

Содержание

Юридические науки

Богачева Н. С., Миронов А. В.	Комментарий к статье 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (доктринальное толкование)	5
Горбачева Е. В., Тищенко Ю. Ю.	Рецензия на монографию С. А. Копыткина, В. Б. Первозванского, Б. А. Спасенникова «Правовые, организационные и медико-психологические основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами»	13
Миронов В. О., Зин Н. В.	О политической системе общества и месте государства в ней	20
Мишуков С. Е.	Уменьшенная вменяемость в Уголовном кодексе Российской Федерации	26
Плотников А. А.	Оптимизация российской модели федеративного устройства: преодоление асимметрии или ее допустимость	33
Сидорова Т. А.	Диагностика взяточничества в экспертной деятельности лингвиста	39
Спасенников Б. А., Кудряшов О. В.	Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	51
Спасенников Б. А., Налбандян Р. Г.	К оценке деятельности оперативных подразделений как фактору, влияющему на ее эффективность	59
Хлопина Е. С., Миронов А. В.	Проблемы освобождения от наказания в связи с психическим расстройством	63

Экономические науки

Кайгородцев А. А.	Проблемы регионального рынка труда	70
Мокров Г. Г.	К дискуссии о налоговой природе таможенной пошлины	80

Педагогические науки

Чуракова О. В., Самодурова С. А.	Потенциал культурного туризма для патриотического воспитания россиян (из опыта разработки образовательных программ для студентов вузов)	85
---	---	----

Contents

Juridical Sciences

Bogacheva N. S., Mironov A. V.	Commentary on Article 21 of the Criminal Code of the Russian Federation (Doctrinal Interpretation)	5
Gorbacheva E. V., Tishchenko Yu. Yu.	Review of the Monograph «Legal, Organizational and Psychological Grounds of Investigation of Crimes Committed by Convicts with Mental Disorders»	13
Mironov V. O., Zin N. V.	The Society's Political System and the Role of a State in It	20
Mishukov S. E.	The Diminished Responsibility in the Russian Criminal Code	26
Plotnikov A. A.	Optimization of the Russian Sample of the Federative Arrangement: Overcoming the Asymmetry or Its Allowance	33
Sidorova T. A.	Diagnostics of Bribery in the Linguist's Expert Work	39
Spasennikov B. A., Kudryashov O. V.	Disorganization of the Institutions Work Providing Isolation From Society	51
Spasennikov B. A., Nalbandyan R. G.	Evaluation of the Operational Units Work as a Factor Affecting its Efficiency	59
Khlopina E. S., Mironov A. V.	Issues of Release from Punishment Due To Mental Disorder	63

Economic Sciences

Kaygorodtsev A. A.	Challenges in the Regional Labour Market	70
Mokrov G. G.	On the Discussion about the Tax Nature of the Custom Duty	80

Pedagogical Sciences

Churakova O. V., Samodurova S. A.	The Potential of Cultural Tourism for Patriotic Upbringing of the Russian People (From the Experience of Academic Programmes Development for Students)	85
--	--	----

УДК 340.6

БОГАЧЕВА Н. С., юрист,
Архангельская областная клиническая больница,
соискатель степени магистра права
Институт управления

МИРОНОВ А. В., кандидат юридических наук,
доцент
Вологодский институт ФСИИ России

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ 21 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ)

Авторы анализируют статью 21 Уголовного кодекса Российской Федерации с научно-практической точки зрения, исследуя соотношение юридического и медицинского критериев в определении невменяемости.

The article is devoted to the scientific and practical analysis of Article 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

- Ключевые слова:** невменяемость, уголовный кодекс, научное толкование
- Keywords:** insanity, Criminal Code, scientific interpretation

Согласно статье 21 «Невменяемость» УК РФ:

«1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

2. Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное

деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом» [1].

Вызывает беспокойство тот факт, что в различных регионах страны количество лиц, признанных судом невменяемыми, существенно различается, что определяет необходимость доктринального, единообразного толкования этой уголовно-правовой нормы [2; 3; 4; 5].

Если понятие вменяемости как способности к осознанно-волевой регуляции поведения во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной

части УК, раскрывается в теории уголовного права [6; 7; 8], то понятие невменяемости, на наш взгляд, полно формулируется в Уголовном кодексе.

Невменяемость лица – его неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время совершения общественно опасного деяния вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Можно сказать, что понятие невменяемости «зеркально» отражает понятие вменяемости [9; 10; 11; 12].

По мнению профессора Б. А. Спасенникова, в следственно-судебной практике под невменяемостью лица понимается отсутствие у него способности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК, вследствие его психического расстройства [13; 14; 15; 16]. Такое понимание закона связано с тем обстоятельством, что лицо в большинстве случаев осознает (полностью или частично) фактический характер своих действий (бездействия), но не понимает их общественную опасность. Например, лицо, страдающее шизофренией с бредом преследования (хроническое психическое расстройство), нанесшее удар ножом в шею «преследователю» – коллеге по работе, осознавало, что у него в руке нож, удар которым в шею «преследователя» «прекратит преследование», то есть осознавало фактический характер своих действий; однако общественную опасность своих действий лицо не осознавало.

Невменяемость лица включает в себя одновременную совокупность медицинского и юридического критериев [17; 18].

К медицинскому критерию невменяемости лица относится факт наличия у него хронического психического расстройства, либо временного психического расстройства, либо слабоумия, либо иного болезненного состояния психики [19; 20; 21; 22]. К хроническим психическим расстройствам относятся непрерывно или приступообразно протекающие психические расстройства, имеющие тенденцию к прогрессированию и приводящие к глубоким и стойким личностным изменениям (например, шизофрения) [23; 24; 25; 26]. К временным психическим расстройствам относятся преходящие, обратимые, заканчивающиеся улучшением, вплоть до полного выздоровления, психические расстройства (например, алкогольный психоз). Слабоумие лица – состояние умственного недоразвития или упадка его психической деятельности, связанное с повреждением мозга генетическими, травматическими, интоксикационными или иными факторами, сопровождающееся поражением интеллекта, в первую очередь – уровня суждений и критики, необратимыми изменениями личности, выраженным снижением или невозможностью его социального приспособления. К иным болезненным состояниям психики лица относятся те, которые не являются, по существу, болезненными, но нарушают его социальную адаптацию [27; 28; 29; 30; 31].

На наш взгляд, юридический критерий невменяемости лица предполагает обязательное влияние психического расстройства на его осознанно-волевое поведение во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК. Если психическое расстройство лица (например, легкая форма дебильности) не повлияло на его осознанно-волевое поведение во время деяния (например, нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с при-

менением насилия, опасного для жизни или здоровья человека, в составе группы лиц по предварительному сговору, с применением оружия), то лицо признается судом вменяемым.

Невменяемость лица устанавливается судом. Основанием для вынесения судебного решения о невменяемости лица являются данные дела, в том числе и заключение судебно-психиатрической экспертизы. В следственно-судебной практике, к сожалению, встречаются случаи переоценки значения заключения судебно-психиатрической экспертизы, избыточного внимания к наличию медицинского критерия невменяемости лица при игнорировании юридического критерия. Например, наркотическое «голодание» лица возникает при его хроническом психическом (наркологическом) расстройстве – наркомании, но оно не приводит к потере его осознанно-волевого поведения во время совершения деяния, предусмотренного статьей 176 УК, если даже психиатры-эксперты полагают обратное.

У лица с тяжелым, активно протекающим психическим расстройством, глубоко изменяющим его личность, задержанного и направленного на судебно-психиатрическую экспертизу сразу же после совершения им общественно опасного деяния, оценка медицинского критерия является простой и не расходится с юридической оценкой. У лица, совершившего общественно опасное деяние, задержанного и направленного на судебно-психиатрическую экспертизу через несколько месяцев после его совершения, картина психического расстройства зачастую не выражает острых психических расстройств, а носит характер психической реакции на задержание, что существенно снижает достоверность оценки медицинского критерия [32; 33; 34; 35].

Работники следствия и суда подчас переоценивают возможности врачей-психиат-

ров, которые в своих заключениях подчас делают выводы о вменяемости-невменяемости подэкспертных. К сожалению, в заключениях экспертов невменяемость лица часто не связывается со временем совершения им деяния, запрещенного уголовным законом. Зачастую работники следствия и суда не обязывают экспертов анализировать способность субъекта к осознанно-волевой регуляции поведения в отношении инкриминируемого ему деяния.

Наличие психического расстройства у лица, совершившего деяние, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса России, не может вести к обязательному признанию его невменяемым. Как мы указали выше, к сожалению, количество лиц, признанных судом невменяемыми, существенно разнится в различных регионах России, что не может не вызывать обеспокоенность уровнем единообразия судебной практики.

Приходится отмечать, что в РФ возможности достоверного прослеживания динамики психических расстройств у лиц, ими страдающих, в последние годы сократились. Существенное ограничение оснований для постановки на диспансерный учет в психоневрологическом лечебно-профилактическом учреждении привело к сокращению случаев, когда в распоряжении следствия имеются документальные данные о динамическом наблюдении больных психиатрами в прошлом. Поэтому увеличивается роль и значение надлежащего изучения подследственного (подсудимого) в ходе следствия и суда.

Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные главой 15 УК. Принудительные меры медицинского характера *могут быть* назначены

судом, то есть их назначение – право, а не обязанность суда.

Эффективность принудительных мер медицинского характера определяется современной психофармакотерапией [36; 37; 38; 39; 40].

После прекращения применения принудительных мер медицинского характера лицо, признанное судом невменяемым, не подлежит уголовной ответственности только за то деяние, в отношении которого оно признано невменяемым.

Лицо, признанное невменяемым по одному делу, может быть признано вменяемым по другому делу, хотя хроническое психическое расстройство, или слабоумие, или иное болезненное состояние психики у него не излечено. Например, лицо, страдающее слабоумием, признанное судом невменяемым за совершение деяния, предусмотренного статьей 337 УК, вместе с тем может быть признано вменяемым за совершение деяния, предусмотренного статьей 131 УК.

1. Белоус В. Г., Мартынов Е. А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996–2013 гг.): учебное пособие. Архангельск, 2013.
2. Белоус В. Г., Голодов П. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1–2 (131–132). С. 26–32.
3. Болбат Н. А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Вестник международного института управления. 2015. № 5–6 (135–136). С. 63–67.
4. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» д-ра юрид. наук, д-ра мед. наук, проф. Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34). С. 149–150.
5. Дивитаева О. А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3–4 (133–134). С. 61–66
6. Дивитаева О. А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1–2 (131–132). С. 57–62
7. Кожин Г. В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1–2 (125–126). С. 54–57.
8. Колпакова А. О. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 1–2 (125–126). С. 58–61.
9. Мишуков С. Е., Годованец О. Г. О наказании виновного, страдающего психическим расстройством, в судебной практике // Вестник международного Института управления. 2016. № 1–2 (137–138). С. 46–52.
10. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31–37.
11. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33–40.
12. Спасенников Б. А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33–36.
13. Спасенников Б. А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26–31.
14. Спасенников Б. А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210–215.
15. Спасенников Б. А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41–45.
16. Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1–2 (53–54). С. 37–43.

17. Спасенников Б. А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46–50.
18. Спасенников Б. А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15–19.
19. Спасенников Б. А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36–39.
20. Спасенников Б. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70–71.
21. Спасенников Б. А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40–44.
22. Спасенников Б. А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49–55.
23. Спасенников Б. А., Белоус В. Г., Швырев Б. А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6–10.
24. Спасенников Б. А., Вилкова А. В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49–54.
25. Спасенников Б. А., Копыткин С. А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13–17.
26. Спасенников Б. А., Лаверычева С. А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17–22.
27. Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII – начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252–256.
28. Спасенников Б. А., Пономарев С. Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI–XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119–122.
29. Спасенников Б. А., Смирнов А. М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120–124.
30. Спасенников Б. А., Смирнов А. М., Тихомиров А. Н. Неврологический статус осужденных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28–31.
31. Спасенников Б. А., Спасеникова М. Г. Преступное поведение и психические расстройства // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5–6 (57–58). С. 28–31.
32. Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н., Вилкова А. В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4–8.
33. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 198–199.
34. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17–20.
35. Швырев Б. А., Белоус В. Г., Кудряшов О. В. Проблема невменяемости в иностранном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. 2015. № 5–6 (135–136). С. 44–51.
36. Дюкова Г. М., Спасенников Б. А. Синдром Мюнхгаузена в медицинской практике // NovalInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 56. С. 410–417.
37. Спасенников Б. А., Спасеникова М. Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovalInfo. 2016. Т. 1. № 54. С. 314–322.
38. Спасенников Б. А., Спасеникова М. Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // Вестник международного Института управления. 2016. № 5–6 (141–142). С. 70–81.
39. Спасенников Б. А., Спасеникова М. Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48–51.
40. Akharkina V. I., Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Application of Phenotropilum in angioneurology. USA, 1996.

References

1. Belous V. G., Martynov E. A. Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii: etapy ego sovershenstvovaniya (1996-2013 gg.) [Criminal Code of the Russian Federation: Steps to Improve (1996-2013)]. Arkhangelsk, 2013.
2. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Aktualnye problemy yuridicheskoy psikhologii [Topical Issues of Juridical Psychology]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 26-32.
3. Bolbat N. A. O profilaktike obshchestvenno opasnykh deyaniy dushevnobolnykh [Prevention of Socially Dangerous Acts Committed by Mentally Disabled Persons]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 5-6 (135-136), pp. 63-67.
4. Bychkova A. M. Retsenziya na rabotu "Psikhicheskie rasstroystva i ih uголовно-pravovoe, kriminologicheskoe, uголовно-ispolnitelnoe znachenie (istoriya, teoriya, uголовно-pravovoe regulirovanie, praktika)" [Review of the paper "Mental Disorders and Their Criminal, Criminological, Penal Meaning (History, Theory, Criminal Regulation, Practice)"] by B. A. Spasennikov, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 5-6 (135-136), pp. 63-67.
5. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole meditsinskogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Medical Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 3-4 (133-134), pp. 61-66.
6. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole uголовного prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Criminal Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 57-62.
7. Kozhin G. V. Osnovaniya primeneniya prinuditelnykh mer meditsinskogo kharaktera (kommentariy stat'i 97 Uголовного kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Grounds for Application of Compulsory Medical Measures (Commentary on Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 54-57.
8. Kolpakova A. O. Prinuditelnye mery meditsinskogo kharaktera, soedinennye s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Medical Measures Coupled with the Enforcement]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 58-61.
9. Mishukov S. E., Godovanets O. G. O nakazanii vinovnogo, stradayushchego psikhicheskim rasstroystvom, v sudebnoy praktike [On the Punishment of Perpetrators with Mental Disorders in Judicial Practice]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 1-2 (137-138), pp. 46-52.
10. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz nevrastenii u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Neurasthenia Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 4, pp. 31-37.
11. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz rasstroystv lichnosti u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Personality Disorders Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 2, pp. 33-40.
12. Spasennikov B. A. Lechebno-diagnosticheskaya taktika pri rasstroystvakh lichnosti v praktike penitentsiarnoy meditsiny [Curative Diagnostic Tactic Under Personality Disorders in Practice of Penitentiary Medicine]. Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal [Russian Medical Journal]. 2015, vol. 21, no. 6, pp. 33-36.
13. Spasennikov B. A. Mediko-pravovye aspekty nevmenyaemosti v inostrannom zakonodatelstve [Medico-Legal Aspects of Insanity in Foreign Legislation]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 6, pp. 26-31.
14. Spasennikov B. A. Nevrasteniya u osuzhdennykh: kriminologicheskii analiz [Neurasthenia Among Convicts: Criminological Analysis]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]. 2015, no. 3 (104). pp. 210-215.
15. Spasennikov B. A. O znachenii nevrastenii v prestupnom povedenii [Neurasthenia in Criminal Behavior]. Trudnyy patsient [Difficult Patient]. 2015, vol. 13, no. 3, pp. 41-45.
16. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe lechenie psichicheskikh rasstroystv (istoriko-meditsinsky aspekt) [Compulsory Treatment of Mental Disorders (Historical Aspect)]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 1-2 (53-54), pp. 37-43.
17. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe psichiatricheskoe lechenie sociopaticheskikh rasstroystv [Compulsory Psychiatric Treatment of Sociopathic Disorders]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2016, no. 4, pp. 46-50.

18. Spasennikov B. A. Problemy zakonnosti prodleniya, izmeneniya iprekrashcheniya primeneniya prinuditelnykh mer meditsinskogo charaktera [Issues of Legality of Extension, Changing and Discontinuing of Compulsory Medical Measures]. Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation Bulletin]. 2015, vol. 49, no. 5, pp. 15-19.
19. Spasennikov B. A. Problemy teorii i sudebnoy praktiki, svyazannye s resheniem voprosov nakazaniya lits, stradayushchih psikhicheskim rasstroystvom [Issues of Theory and Judicial Practice Addressing the Punishment of Persons Who Suffer from Mental Disorders]. Rossiyskiy sud'ya [Russian Judge]. 2014, no. 6, pp. 36-39.
20. Spasennikov B. A. Psikhologicheskaya pomoshch kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh [Psychological Care as Corrective Measures for Convicts]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 2 (30), pp. 70-71.
21. Spasennikov B. A. Ugolovnaya otvetstvennost i psikhicheskie rasstroystva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal Liability and Mental Disorders: Comparative Research]. Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]. 2016, no. 7, pp. 40-44.
22. Spasennikov B. A. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv [Criminal Legal Meaning of Mental Disorders]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 2, pp. 49-55.
23. Spasennikov B. A., Belous V. G., Shvyrev B. A. Aktualnye problemy ugolovnogo prava: obzor literatury [Topical Issues of Criminal Law: Literature Review]. Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 2 (18), pp. 6-10.
24. Spasennikov B. A., Vil'kova A. V. Rasstroystva lichnosti u osuzhdennykh v penitentsiarnoy praktike [Personality Disorders of the Convicts in the Penitentiary Practice]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 1 (29), pp. 49-54.
25. Spasennikov B. A., Kopytkin S. A. O problemakh sudebno-psihiatricheskoy ekspertizy v sudebno-sledstvennoy praktike [On the Problems of the Forensic Psychiatric Examination in Judicial and Investigative Practice] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 3 (35), pp. 13-17.
26. Spasennikov B. A., Laverycheva S. A. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchih nakazanie v sledstvennykh izolyatorakh [Socio-Legal Characteristic of Convicts Serving Their Sentence in Detention Centers] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 1 (33), pp. 17-22.
27. Spasennikov B. A., Pertli L. F. Razvitie meditsinskoy pomoshchi v tyuremnoy sisteme Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Development of Medical Care in the Russian Prison System (the End of the 18th – Beginning of the 20th century)]. Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Issues of Social Hygiene, Medical Care and History of Medicine]. 2016, vol. 24, no. 4, pp. 252-256.
28. Spasennikov B. A., Ponomarev S. B. Problema vmenyaemosti v rossiyskom ugolovnom prave XVI-XIX vekov [Issue of Sanity in the Russian Criminal Law]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo [Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Section]. 2016, vol. 26, no. 2, pp. 119-122.
29. Spasennikov B. A., Smirnov A. M. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh muzhchin, otbyvayushchih nakazanie v ispravitelnykh koloniyah [Socio-Legal Characteristic of Male Convicts Sentenced to Imprisonment]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2015, no. 9 (377), pp. 120-124.
30. Spasennikov B. A., Smirnov A. M., Tikhomirov A. N. Nevrologicheskii status osuzhdennykh muzhchin, sostoyashchih na uchete v ugolovno-ispolnitel'noy inspektsii [Neurological Status of Male Convicts Registered in Criminal Executive Inspection]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2014, no. 5, pp. 28-31.
31. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Prestupnoe povedenie i psikhicheskie rasstroystva [Criminal Behavior and Mental Disorders]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 5-6 (57-58), pp. 28-31.
32. Spasennikov B. A., Tikhomirov A. N., Vil'kova A. V. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv [Criminal Legal Meaning of Mental Disorders]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2014, no. 4 (28), pp. 4-8.
33. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Kriminalnoe povedenie i sindrom netерpeniya [Criminal Behavior and Impatience Syndrome]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man : Crime and Punishment]. 2015, no. 3, pp. 198-199.
34. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Prinuditel'noe lechenie sotsiopaticeskikh rasstroystv, soedinennoe s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Treatment of Sociopathic Disorders Connected With Execution of Punishment]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 3 (31), pp. 17-20.

35. Shvyrev B. A., Belous V. G., Kudryashov O. V. Problema nevmenyaemosti v inostrannom ugovnom zakonodatelstve [Issue of Insanity in Foreign Criminal Legislation]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 5-6 (135-136), pp. 44-51.
36. Dyukova G. M., Spasennikov B. A. Sindrom Myunkhgauzena v meditsinskoy praktike [Munchausen Syndrome in Medical Practice]. NovalInfo. 2016. vol. 2, no. 56. pp. 410-417.
37. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. NovalInfo. 2016. vol. 1, no. 54. pp. 314-322.
38. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 5-6 (141-142), pp. 70-81.
39. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Novaya lekarstvennaya forma fenozepam [Phenozepam New Dosage Form]. Meditsinskaya sestra [Nurse]. 1991, no. 12, pp. 48-51.
40. Akhapkina V. I., Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Application of Phenotropilum in angioneurology. USA, 1996.

УДК 343+616.89

*ГОРБАЧЕВА Е. В., соискатель степени магистра права**Институт управления**ТИЩЕНКО Ю. Ю., соискатель степени магистра права**Институт управления*

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КОПЫТКИНА С. А., ПЕРВОЗВАНСКОГО В. Б., СПАСЕННИКОВА Б. А. «ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ»

В статье представлена рецензия на монографию Копыткина С. А., Первозванского В. Б., Спасенникова Б. А. «Правовые, организационные и медико-психологические основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами».

The article presents a review of the monograph «Legal, Organizational and Psychological Grounds of Investigation of Crimes Committed by Convicts with Mental Disorders» by S. A. Kopytkin, V. B. Pervozvanskiy, B. A. Spasennikov.

- Ключевые слова:** *вменяемость, уголовный закон, криминалистика, расследование преступлений, психическое расстройство, сравнительное правоведение, исполнение наказания*
- Keywords:** *sanity, criminal law, criminalistics, crime investigation, mental disorder, comparative law, execution of punishment*

Научная монография Копыткина С. А., Первозванского В. Б., Спасенникова Б. А. «Правовые, организационные и медико-психологические основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами» (Москва, издательство «Юрлитинформ») посвящена вопросам, связанным с теоретическими и научно-практическими основами расследования преступлений, совершенных рассмат-

риваемой категорией лиц, и выполнена с учетом современных требований науки и имеющегося к настоящему моменту практического опыта расследования преступлений.

Актуальность данного исследования не вызывает сомнений, так как общая проблематика, связанная с уровнем психического здоровья населения нашей страны, не может не отражаться на показателях преступности как социального явления, что неодно-

ратно отмечалось в публикациях авторов монографии [1, с. 49–51; 2, с. 109; 3, с. 26–32; 4, с. 149–150; 5, с. 54–57]. Помимо этого, по результатам проводимых ими исследований, более 41 % от общего количества преступлений, зарегистрированных на территории учреждений УИС, совершены подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, имеющими психические расстройства [6, с. 23; 7, с. 382–387; 8, с. 398–406; 9, с. 177–183; 10, с. 10–13; 11, с. 116–121].

В этой связи авторы монографии справедливо отмечают, что в ходе расследования преступлений следователь, благодаря различным источникам, может получить информацию о наличии у подозреваемого или обвиняемого психического расстройства, что влечет за собой необходимость внесения существенных изменений в организацию расследования и позволяет сделать вывод о том, что деятельность по расследованию преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, обладает качественной спецификой, обусловленной рядом обстоятельств [12, с. 34–37; 13, с. 3–5; 14, с. 19–22; 15, с. 12–16; 16, с. 31–37; 17, с. 33–40].

Характеризуя основные из них, можно констатировать, что на всем протяжении расследования следователь должен обнаруживать и генерировать как можно большее количество информации о психически неполноценном подследственном, поскольку в дальнейшем эти данные послужат базисом для максимально объективной экспертной оценки психического состояния осужденного, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [18, с. 33–36; 19, с. 26–31; 20, с. 41–45; 21, с. 8–11; 22, с. 213–216].

Необходимо констатировать, что авторами монографии произведено многостороннее исследование общественных отношений, связанных с расследованием преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, преступлений,

совершенных рассматриваемой категорией лиц, а также закономерностей организации и обеспечения расследования таких преступлений [23, с. 220–222; 24, с. 37–43; 25, с. 115–120; 26, с. 15–19; 27, с. 9–12]. В представленной на рецензирование монографии системно и комплексно рассмотрено значительное количество теоретических основ расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, с учетом изменений действующего законодательства, новейших разработок криминалистики, уголовно-процессуальной науки, теории оперативно-разыскной деятельности.

К числу достоинств монографии можно отнести также достаточный объем использованной эмпирики, которая представлена судебной и следственной практикой, а также результатами анкетирования и интервьюирования сотрудников следственных подразделений различного уровня и экспертов-психиатров, осуществлявших и принимавших участие в расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, в том числе и осужденных за различные преступления.

Следует положительно оценить и научную новизну монографии, которая заключается в том, что авторами был осуществлен системный подход к исследованию теоретических основ расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами. В монографии подробно освещены вопросы, касающиеся криминалистического значения психического расстройства как феномена личности, генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами на различных этапах существования Российского государства, особенностях личности и поведения осужденных, имеющих психические расстройства и совершивших преступления в местах лишения свободы, отдельным осо-

бенностям взаимодействия при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными с психическими расстройствами, а также производству ключевых для расследования уголовных дел данной категории следственных и процессуальных действий, в частности различных видов судебно-психиатрической экспертизы. Необходимо отметить также, что к изучению большинства из вышеупомянутых вопросов авторы приступают далеко не в первый раз, в том числе представляя единую научную позицию в рамках научной дискуссии [28, с. 70–71; 29, с. 25–32; 30, с. 49–55; 31, с. 216–218; 32, с. 13–17; 33, с. 26–33; 34, с. 89–94; 35, с. 54–59; 36, с. 18–20].

Необходимо указать и на то обстоятельство, что в работе имеет место обоснованная авторская концепция формирования теоретических основ расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, а полученные результаты исследования вносят позитивный вклад и в совершенствование практической деятельности органов и учреждений УИС, органов предварительного расследования и судов по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными, страдающими психическими расстройствами, а также в деятельность экспертно-психиатрических подразделений.

Вышеизложенные результаты проведенного исследования были достигнуты во многом благодаря правильному выбору структуры работы, включающей в себя научные, правовые, организационные и тактические аспекты расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами.

Наиболее значимым представляется выявленное авторами криминалистическое значение психического расстройства, которое определяется тем, что изменения в психике сами по себе являются доминантой, воздействующей как на восприятие, так и на

поведение лица, совершающего преступление, что не может не найти своего отражения в особенностях деятельности по расследованию подобных преступлений.

Помимо этого, делается справедливый вывод о том, что термин «психическое расстройство» является наиболее употребительным вариантом среди других сходных понятий (психические болезни, аномалии, недостатки, отклонения и др.). Авторы утверждают, что ни одно из сходных понятий не обладает столь четкой классификацией, дающей возможность даже не обладающему специальными знаниями лицу определить форму и общий характер психического расстройства. В той же главе авторами систематизированы наиболее типичные личностные и поведенческие особенности осужденных, имевших психические расстройства и совершивших преступления в местах лишения свободы.

Представляется, что изложенный материал позволит сотрудникам ФСИН России выявлять среди осужденных лиц, предположительно являющихся психически больными, повысить эффективность работы с осужденными, уже имеющими расстройства психики в части установления и поддержания устойчивого коммуникативного контакта, а также осуществления профилактики совершения ими противоправных действий.

Примечательным является тот факт, что в текст представленной книги авторам удалось интегрировать документы, регламентирующие подавляющее большинство различных областей общественных отношений, связанных рассматриваемой в монографии тематикой. Помимо этого значительную часть содержания одной из глав составили вопросы организации расследования преступлений, совершенных осужденными, имеющими психические расстройства, и в частности, что заслуживает особого одобрения, – вопросы организации экспертно-психиатрической оценки поведения осужденных, что, с нашей точки зрения, является особо акту-

альным для практической деятельности, связанной не только с расследованием преступлений рассматриваемой группы, но и для повышения эффективности исполнения различных видов уголовных наказаний.

Таким образом, представляется возможным сделать выводы об актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости рецензируемой монографии,

обоснованности и достоверности сформулированных авторами выводов и предложений и о возможности внедрения ее содержания в практическую деятельность сотрудников следственных и оперативных подразделений МВД России, оперативных, режимных и воспитательных подразделений ФСИН России, а также в экспертно-психиатрическую деятельность.

1. Агеева М. П. Виды принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3–4 (43–44).
2. Белоус В. Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5–6. С. 109.
3. Белоус В. Г., Голодов П. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1–2 (131–132).
4. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34).
5. Кожин Г. В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1–2 (125–126).
6. Копыткин С. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами // Российский следователь. 2010. № 16.
7. Копыткин С. А. О расследовании преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений. К 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина : материалы межвузовской науч.-практ. конф. : в 2-х ч. Академия управления МВД России. 2009.
8. Копыткин С. А. Ордалии в историческом развитии деятельности, связанной с отправлением правосудия в отношении лиц с психическими расстройствами // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты : (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России, 2015.
9. Копыткин С. А. Следственные ситуации при расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : материалы 51-х криминалистических чтений. М. : Академия управления МВД России, 2010.
10. Копыткин С. А., Нарусланов Э. Ф. О типизации криминологически и криминалистически значимой информации, связанной с личностью осужденного, страдающего психическим расстройством // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 4 (19).
11. Копыткин С. А., Первозванский В. Б. К вопросу о реализации полномочий ФСИН России как органа дознания при расследовании преступлений, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27).
12. Копыткин С. А., Трегубова Е. А. Организационно-тактические особенности исполнения отдельных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении осужденных с психическими расстройствами // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30).
13. Копыткин С. А., Шамсунов С. Х. О необходимости научного анализа вопросов расследования преступлений, совершенных осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, имеющими социально значимые заболевания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6.
14. Спасенников Б. А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4.
15. Спасенников Б. А. К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17.
16. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4.

17. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2.
18. Спасенников Б. А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пени-тенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6.
19. Спасенников Б. А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6.
20. Спасенников Б. А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3.
21. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20).
22. Спасенников Б. А. Префронтальная кора головного мозга и криминальное поведение // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36.
23. Спасенников Б. А. Прецентральная кора, миндалина, гиппокамп и преступное поведение: научная гипотеза // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36.
24. Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1–2 (53–54).
25. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24).
26. Спасенников Б. А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5.
27. Спасенников Б. А. Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Российский судья. 2012. № 1.
28. Спасенников Б. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30).
29. Спасенников Б. А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22).
30. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
31. Спасенников Б. А. Эффект Даннинга-Крюгера и криминальное поведение // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36.
32. Спасенников Б. А., Копыткин С. А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35).
33. Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Вопросы истории уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Вестник международного института управления. 2010. № 11–12.
34. Швырев Б. А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1–2 (47–48).
35. Швырев Б. А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5–6 (129–130).
36. Швырев Б. А., Болбат Н. А., Кудряшов О. В., Дивитаева О. А. Синдром нетерпения и криминальное поведение // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20).

References

1. Ageeva M. P. Vidy prinuditelnyh mer meditsinskogo kharaktera (kommentariy stat'i 99 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Forms of Compulsory Medical Measures (Commentary on Article 99 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2014, no. 3-4 (43-44).
2. Belous V. G. Kriticheskiy analiz nauchnyh publikatsiy, posvyashchenykh probleme nevmenyamosti [Critical Analysis of Scientific Publications on the Issue of Insanity]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2013, no. 5-6, p. 109.
3. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Aktualnye problemy yuridicheskoy psikhologii [Topical Issues of Juridical Psychology]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132).
4. Bychkova A. M. Retsenziya na rabotu "Psikhicheskie rasstroystva i ih ugovovno-pravovoe, kriminologicheskoe, ugovovno-ispolnitelnoe znachenie (istoriya, teoriya, ugovovno-pravovoe regulirovanie, praktika)" [Review of the paper of "Mental Disorder and Its Criminal, Criminological, Penal Meaning (History, Theory, Criminal Regulation, Practice)" by PhD in Law, MD, Professor B.A. Spasennikov]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2012, no. 5-6 (33-34).

5. Kozhin G. V. Osnovaniya primeneniya prinuditelnyh mer meditsinskogo kharaktera (kommentariy stat'i 97 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Grounds for Application of Compulsory Medical Measures (Commentary on Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126).

6. Kopytkin S. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy, sovershennyh litsami, stradayushchimi psikhicheskimi rasstroystvami [Criminalistic Characteristics of Crimes Committed by Mentally Disordered Persons]. Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]. 2010, no. 16.

7. Kopytkin S. A. O rassledovanii prestupleniy, sovershaemyh litsami s psikhicheskimi rasstroystvami, ne isklyuchayushchimi vmenyaemost [Investigation of Crimes Committed by Mentally Disordered Persons, Not Excluding Sanity]. Aktualnye voprosy primeneniya ugolovno-protsessualnogo i ugolovnogo zakonodatelstva v protsesse rassledovaniya prestupleniy. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora I. M. Gutkina: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2-h ch. [Topical Issues of Criminal Procedure and Criminal Legislation under Investigation of Crimes. To the 90th Anniversary of Professor I. M. Gutkin: Proc. Sci. Conf. In two parts]. Akademiya upravleniya MVD Rossii [Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2009.

8. Kopytkin S. A. Ordalii v istoricheskom razvitii deyatelnosti, svyazannoy s otpravleniem pravosudiya v otnoshenii lits s psikhicheskimi rasstroystvami [Ordeals in the Historical Development of Administration of Justice Towards the Mentally Disordered Persons]. Organizatsiya deyatelnosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty : (k 60-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy) : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Organizing the Work of Crime Investigation Agencies: Administrative, Legal and Criminalistic Aspects : (to the 60th Anniversary of the Department of Management of Crime Investigation Agencies) : Proc. Int. Sci. Conf.]. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii [Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2015.

9. Kopytkin S. A. Sledstvennye situatsii pri rassledovanii prestupleniy, sovershennyh litsami s psikhicheskimi rasstroystvami [Re-enactment of Crimes Committed by Mentally Disordered Persons]. Protivodeystvie rassledovaniyu prestupleniy i mery po ego preodoleniyu: materialy 51-h kriminalisticheskikh chteniy [Counteraction to Investigation of Crimes and Measures to Overcome It: Proc. 51st Criminalistic Readings]. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii [Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010.

10. Kopytkin S. A., Naruslanov E. F. O tipizatsii kriminologicheskoi i kriminalisticheskoi znachimoy informatsii, svyazannoy s lichnost'yu osuzhdennogo, stradayushchego psikhicheskimi rasstroystvom [Typification of Criminological and Criminalistic Information Connected with the Personality of a Convict Suffering from Mental Disorder]. Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii [Perm Federal Penitentiary Service Institute of Russia Bulletin]. 2015, no. 4 (19).

11. Kopytkin S. A., Pervosvanskiy V. B. K voprosu o realizatsii polnomochiy FSIN Rossii kak organa doznaniya pri rassledovanii prestupleniy, sovershennyh podozrevaemymi, obvinyaemymi i osuzhdennymi [On the Issue of Implementation of the Powers of the FSIN of Russia as a Body of Inquiry in the Investigation of Crimes Committed by the Suspects, Defendants and Convicts]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]. 2016, no. 2 (27).

12. Kopytkin S. A., Tregubova E. A. Organizatsionno-takticheskie osobennosti ispolneniya otdelnykh vidov nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody, v otnoshenii osuzhdennykh s psikhicheskimi rasstroystvami [Organizational and Tactical Characteristics of Execution of Certain Kinds of Punishments without Deprivation of Freedom against Mentally Disordered Convicts]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of Vladimir Law Institute]. 2014, no. 1 (30).

13. Kopytkin S. A., Shamsunov S. Kh. O neobkhodimosti nauchnogo analiza voprosov rassledovaniya prestupleniy, sovershennyh osuzhdennymi, podosrevaemymi i obvinyaemymi, imeyushchimi sotsialno znachimye zabolevaniya [Necessity of Scientific Analysis of the Issues of Investigation of Crimes Committed by Convicts, Suspects and Defendants Suffering Illnesses that Pose a Threat to Public Health]. Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal Executive System: Law, Economics, Management]. 2015, no. 6.

14. Spasennikov B. A. K voprosu o vmenyaemosti podsudimogo [On the Issue of Sanity of a Defendant]. Rossiyskiy sud'ya {Russian Judge}. 2013, no. 4.

15. Spasennikov B. A. K voprosu o tselyah prinuditelnyh mer meditsinskogo kharaktera [On the Issue of Compulsory Medical Measures]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction]. 2012, no. 17.

16. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz nevrastenii u osuzhdennykh [Clinic-Criminological Analysis of Neurasthenia Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 4.

17. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz rasstroystv lichnosti u osuzhdennykh [Clinic-Criminological Analysis of Mental Disorders Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo

gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 2.

18. Spasennikov B. A. Lechebno-diagnosticskaya taktika pri rasstroystvakh lichnosti v praktike penitentsiarnoy meditsiny [The Curative Diagnostic Tactic Under Personality Disorders in Practice of Penitentiary Medicine]. Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal [Russian Medical Journal]. 2015, vol. 21, no. 6.

19. Spasennikov B. A. Mediko-pravovye aspekty nevmenyayemosti v inostrannom zakonodatel'stve [Medical and Legal Aspects of Insanity in the Foreign Legislation]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 6.

20. Spasennikov B. A. O znachenii nevrastenii v prestupnom povedenii [Neurasthenia in Criminal Behavior]. Trudnyy patsient [Difficult Patient]. 2015, vol. 13, no. 3.

21. Spasennikov B. A. Obshchestvenno opasnye deyaniya bol'nykh psikhicheskimi rasstroystvami [Socially Dangerous Acts Committed by Mentally Disordered Persons] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie . [International Institute of Management Bulletin]. 2012, no. 4 (20).

22. Spasennikov B. A. Prefrontal'naya kora golovnogogo mozga i kriminal'noe povedenie [Prefrontal Cortex and Criminal Behavior]. NovalInfo.Ru. 2015, vol. 1, no. 36.

23. Spasennikov B. A. Pretsentral'naya kora, mindalina, gippokamp i prestupnoe povedenie: nauchnaya gipoteza [Precentral Cortex, Amygdala and Hippocampus in the Genesis of Criminal Behavior]. NovalInfo.Ru. 2015, vol. 1, no. 36.

24. Spasennikov B. A. Prinuditel'noe lechenie psikhicheskikh rasstroystv (istoriko-meditsinskiy aspekt) [Compulsory Treatment of Mental Disorders (historical-medical aspect)] Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 1-2 (53-54).

25. Spasennikov B. A. Prinuditel'noe psikiatricheskoe lechenie sotsiopaticeskikh rasstroystv, soedinennoe s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Treatment of Sociopathic Disorders Connected With Execution of Punishment]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]. 2015, no. 3 (24).

26. Spasennikov B. A. Problemy zakonnosti prodleniya, izmeneniya i prekrashcheniya primeneniya prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [Challenges the Legality of the Extension, Amendment and Termination of Compulsory Medical Measures]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation]. 2015, vol. 49, no. 5.

27. Spasennikov B. A. Prodlenie, izmenenie i prekrashchenie prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v sudebnoy praktike [Extension, Amendment and Termination of Compulsory Medical Measures in Judicial Practice] Rossiyskiy sud'ya [Russian Judge]. 2012, no. 1.

28. Spasennikov B. A. Psikhologicheskaya pomoshch' kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh [Psychological Assistance as a Means of Correcting Convicts]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 2 (30).

29. Spasennikov B. A. Rasstroystva lichnosti u osuzhdennykh v ugovovno-ispolnitel'noy praktike [Mental Disorders among Convicts in Criminal Executive Practice]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]. 2015, no. 1 (22).

30. Spasennikov B.A. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv (Criminal Legal Significance of Mental Disorders). Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 2, pp. 49-55.

31. Spasennikov B. A. Effekt Danninga-Kryugera i kriminal'noe povedenie [The Dunning-Kruger Effect and Criminal Behavior]. NovalInfo.Ru. 2015, vol. 1, no. 36.

32. Spasennikov B. A., Kopytkin S. A. O problemakh sudebno-psikiatricheskoy ekspertizy v sudebno-sledstvennoy praktike [Issues of Forensic Psychiatric Expertise in Judicial and Investigative Practice] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 3 (35).

33. Spasennikov B. A., Spasennikov S. B. Voprosy istorii ugovovnoy otvetstvennosti lits, sovershivshikh prestuplenie v sostoyanii op'yaneniya [Historical Issues of Criminal Responsibility of Persons Who Committed Crimes in a State of Intoxication]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2010, no. 11-12.

34. Shvyrev B. A. Problemy prekrashcheniya prinuditel'nogo psikiatricheskogo lecheniya [Problems of Termination of Compulsory Medical Measures]. Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. [Topical Issues of Education and Science]. 2015, no. 1-2 (47-48).

35. Shvyrev B. A. Tseli prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [Objectives of Compulsory Measures of Medical Nature Connected with the Execution of Punishment]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 5-6 (129-130).

36. Shvyrev B. A., Bolbat N. A., Kudryashov O. V., Divitaeva O. A. Sindrom netерpeniya i kriminal'noe povedenie [Syndrome of Impatience and Criminal Behavior]. Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 4 (20).

УДК 342+321

МИРОНОВ В. О., почетный работник
высшего профессионального образования РФ,
доктор философии (PhD) Оксфордского университета,
профессор Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
доктор юридических наук, профессор

ЗИН Н. В., доцент кафедры теории
и истории государства и права
Владимирского филиала РАНХиГС,
кандидат исторических наук,
магистр юриспруденции

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА И МЕСТЕ ГОСУДАРСТВА В НЕЙ

Статья посвящена анализу структуры политической системы общества и государства как центральному элементу данной системы.

The article deals with the society's political structure and the central role of a state in it.

□ **Ключевые слова:** государство, общество, политическая система, политическая культура, институты государства

□ **Keywords:** state, society, political system, political culture, state institutions

Государство является неотъемлемой частью политической системы общества, обеспечивающей нормальную деятельность общественных организаций и иных составляющих данной системы. Это выражается в предоставлении гражданам права на объединение в общественные организации и создании условий для их деятельности, в определении правового положения таких организаций. Государство – политическая организация, осуществляющая управление обществом и занимающая центральное место в политической системе как ее важнейший элемент.

Развитие гражданского общества, появление самостоятельной личности с ее правами и свободами привели к тому, что граж-

данин стал не только подчиняться государству, но и влиять на него, создавая для этого политические партии и другие общественные организации. Власть перестала быть монополией государства. Властные отношения приобрели более сложный характер. В них стали принимать участие негосударственные организации, включая политические партии.

Политическая система имеет подсистемы, взаимосвязанные и обеспечивающие функционирование публичной власти.

Институциональная подсистема включает государство, политические партии, другие общественные организации и отношения между ними, образующие в совокупности политическую организацию общества. Цент-

ральное место в ней принадлежит государству, которое располагает наибольшими возможностями по воздействию на различные стороны общественной жизни. Влияние политических партий, различных групп интересов на государственную власть также достаточно велико. Важную роль играют церковь и средства массовой информации, воздействуя на процесс формирования общественного мнения.

Нормативная подсистема включает правовые, политические, моральные нормы и ценности, традиции, обычаи, оказывающие регулятивное воздействие на деятельность различных институтов, поведение граждан.

Функциональная подсистема – это методы политической деятельности, способы осуществления власти, составляющие основу политического режима и направленные на обеспечение функционирования механизма осуществления публичной власти в обществе.

Коммуникативная подсистема включает формы политического взаимодействия внутри системы и с политическими системами других государств.

Политическая система – порождение западной политологии, социологии и частично юриспруденции. В нашей стране этот термин используется прежде всего в юридической науке, а также в социологии [1, с. 510].

В советскую политическую систему входили: «...коммунистическая партия, являющаяся ее направляющей и руководящей силой, социалистическое государство, которое сотрудничает с общественными организациями – профсоюзами, комсомолом, кооперацией и др. объединениями трудящихся...» [1, с. 510]. Как аксиологическое понятие она справлялась со своим назначением, а Коммунистическая партия Советского Союза действительно являлась ядром политической системы советского общества.

Данный аксиологический аспект остается

доминирующим в общей теории права. Современные авторы в своих работах, посвященных политической системе как юридическому понятию, в институциональном аспекте упоминают в основном такие субъекты политики, как государство, партии, иные общественные организации, личность, предпочитая не замечать также реально обладающие властью следующие субъекты: политическую и экономическую элиты, создаваемые ими группы влияния, преступные группировки и т. п.

С. А. Комаров, например, дает следующее понятие политической системы: «Политическая система общества – это совокупность взаимосвязанных государственных, общественных и иных организаций, призванных развивать организационную самостоятельность и политическую активность личностей в процессе реализации ими политической власти» [2, с. 460]. Упомянутые неофициально обладающие властью субъекты находятся за рамками данного определения и не попадают в структуру политической системы.

Под политической системой понимают совокупность государственных институтов, политических партий и других общественных организаций, в рамках которой проходит политическая жизнь общества, осуществляется государственная власть. Она включает характеристику социального содержания власти, ее носителя, взаимодействие с экономическим строем, систему институтов, организаций, через которые осуществляется власть и регулируются политические отношения, принципы и нормы, направленность деятельности институтов власти.

Согласно марксистской концепции политическая система общества – явление объективное. Ее функционирование обусловлено историческими рамками существования классового общества. Она выражает волю и интересы господствующего класса.

Встречаются и иные определения поли-

тической системы. Д. Истон рассматривает ее как «совокупность взаимодействий субъектов, посредством которых в обществе властно, авторитарно распределяются ценности» [3, с. 507]. В работах И. Хуса политическая система представлена как комплекс идей и принципов, формирующих единое целое и наполняющих содержание философии, религии, формы правления [4, с. 51].

Другие авторы рассматривают политическую систему как совокупность связанных между собой переменных величин, элементов вместе с существующими между ними отношениями [4, с. 52]. П. Шаран выделил такие элементы политической системы: политика, власть, интересы, политическая культура [5, с. 104]. От уровня последней также зависит функционирование политической системы. Политическая культура определяется степенью участия граждан в общественной жизни, подготовке и принятии политических решений, выборах, референдумах, обсуждениях законопроектов и т.п.

Б. И. Краснов в качестве компонента политической системы выделил относительно большое количество граждан, находящихся на разных уровнях политической культуры [6, с. 106]. Другой ее компонент – должностные лица, решения которых признаются членами общества как обязательные. Третий компонент – правовые принципы, политические процессы и институциональные формы, регулирующие работу этой системы. Еще один компонент – территория, хотя политическая система не всегда равнозначна государству. Политическая система включает, кроме прочего, историческое наследие общества, его ресурсы, экономическую организацию, идеологию, систему ценностей, структуру политического руководства и др. [6, с. 115].

Сущность политической системы проявляется также в ее функциях, под которыми понимают действия, направленные на поддержание этой системы в устойчивом состо-

янии. Стабильность системы достигается через ее функционирование на принципах, которые соответствуют политической культуре общества. Выделяют следующие функции политической системы: политическое руководство обществом и его консолидация, регулятивная и мобилизационная функции, легитимация, координирующая и интегративная функции.

Многообразие политических систем свидетельствует о том, что на процесс их формирования и функционирования оказывают влияние многие факторы, среди которых исторические традиции, культура, экономика, состояние гражданского общества, геополитика и т.д. [7, с. 82].

Основное различие между политическими системами заключается в том, как в них распределена власть: рассредоточена ли она между несколькими субъектами или сконцентрирована в руках одного субъекта. Если власть рассредоточена, то политическую систему классифицируют как демократическую. В противном случае она определяется как авторитарная. Также выделяют авторитарную и тоталитарную системы.

Элементами политической системы демократического типа являются народ, политические партии, их лидеры и государство. При этом решающее слово должно принадлежать народу, избирающему главу государства и депутатов.

В тоталитарной политической системе ведущую роль играет единственная правящая партия, цель которой – мобилизация населения на выполнение принятых ею решений. Свою волю партия реализует через подчиненные ей государство, общественные учреждения, предназначенные для того, чтобы организационно, материально и идеологически обеспечивать выполнение партийных решений. Государство и объединенный его властью в единое целое народ объявляются высшей ценностью, подчиняющей себе индивида.

В советской научной литературе считалось, что единственным критерием, в соответствии с которым надлежит классифицировать политические системы, является общественно-экономическая формация. Марксизм рассматривает политическую систему как инструмент в руках господствующего класса и в соответствии с этим выделяет рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую политические системы.

Дж. Пауэлл предлагал классифицировать политические системы в зависимости от степени их культурной дифференциации и секуляризованности: примитивные, традиционные и современные. Примитивные системы у него наделены минимумом структурной дифференциации, национальное целое остается без внимания, преобладает «приходская культура». Традиционные системы обладают развитой политической структурой и характеризуются «культурой подчинения», а современные имеют еще и инфраструктуру в виде партий, общественных движений, средств массовой информации и т.п. Граждане могут влиять на политическую систему посредством выборов, демонстраций, митингов [8, с. 156].

Ж. Блондель различает политические системы по содержанию и формам управления, выделяя следующие основные типы:

- либерально-демократические, ориентированные на ценности индивидуализма, свободы, собственности;
- коммунистические, признающие ценности равенства и социальной справедливости;
- традиционные, опирающиеся на олигархические формы правления, на неравномерное распределение экономических ресурсов и социальных статусов;
- популистские, преобладающие в развивающихся странах, использующие авторитарные методы управления и стремящиеся к равенству в распределении благ;

– авторитарно-консервативные, преследующие цели сохранения социального и экономического неравенства, ограничения участия населения в политической жизни [9, с. 9].

Общепризнанной в западной науке считается классификация политических систем Г. Алмонда по типу политической культуры и разделению ролей между участниками политического процесса. Он выделил четыре типа таких систем: англо-американская, европейская континентальная, доиндустриальная и частично индустриальная, тоталитарная [10, с. 158].

Еще одна организация социальной среды – смешанная, конвергенционная. Эти политические системы нестабильны и эволюционируют в иные системы. Они возникают, когда происходит переход от одной социальной среды к другой, например, переход от распределительной социальной среды к рыночной экономике в России в конце XX века.

Для конвергенционных политических систем характерно смешение различных политических институтов: провозглашение свободы труда, передвижения, выбора места жительства и сохранение системы регистрации граждан по месту жительства, закрепление разделения властей и фактическая подмена одной власти другой.

Таким образом, имеют место различные виды политических систем и формирующие их социальные факторы, включая экономическую и политическую сферы жизни общества. При этом нельзя игнорировать роль классового фактора в процессах формирования и функционирования политических систем.

Вопрос о месте государства в политической системе обычно сводится к выявлению отличий государственной власти от иной власти, существующей в обществе. При этом выделяют следующие отличительные черты государства, которое:

– играет важную роль как собственник основных средств производства;

– выступает как организация, принимающая от имени общества обязательные для всех решения;

– располагает специальным аппаратом управления и принуждения;

– обладает суверенитетом и единством законодательных, управленческих и контрольных функций [2, с. 106].

Главное теоретическое содержание вопроса о месте государства в политической системе общества заключается в соотношении государства, общества и личности как самостоятельных и тесно связанных между собой ценностей [11, с. 486; 12, с. 147].

У нас сегодня преобладает точка зрения либеральной идеологии, в соответствии с которой личность должна обладать максимальной свободой, что является высшей ценностью, интересы личности должны иметь приоритет перед общественными интересами, а роль государства должна сводиться к обслуживанию интересов отдельного человека и общества в целом. Между тем, вопрос о том, что лучше – безусловная подчиненность личности государству или ее полная свобода от него, не имеет однозначного решения.

Личность не является свободной от общества и государства потому, что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого, что существует государство, в котором один класс угнетает другие. Личность, государство и право не в состоянии изменить объективно сложившееся в обществе в ходе исторического

процесса соотношение общих и частных интересов.

Российская история не позволяет свести роль государства только к обслуживанию интересов общества и человека. Государство в России является деятельным началом. Российское общество и его институты созданы государством, а не наоборот. Государство в России традиционно играет ведущую роль в историческом развитии страны.

Для политической системы современного российского общества характерны перекося в распределении властных полномочий в пользу исполнительной власти и соответствующее ограничение полномочий власти законодательной, слабый контроль со стороны последней за деятельностью органов исполнительной власти, реализацией принимаемых законов.

Распределение власти, взаимоотношения политической системы и общества могут свидетельствовать о наличии в России авторитарной системы, характеризующейся сосредоточением власти в едином центре, которым являются президент и администрация главы государства. Сфера деятельности представительных органов власти ограничена, но присутствуют разделение властей, многопартийность, передача ряда законодательных и исполнительных полномочий от центра субъектам Федерации и др. [13, с. 80].

Недостатком российской политической системы является и то, что она не всегда адекватно и своевременно реагирует на существующие и вновь возникающие интересы и потребности общества.

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М., 1983.
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2004.
3. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 507.
4. Политология : хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 1999.
5. Шаран П. Сравнительная политология. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1992.
6. Краснов Б. И. Введение в историю политической науки // Социально-политический журнал. 1995. № 2.

7. Чиркин В. Е. Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. 1992. № 5.
8. Almond G.A., Powell B.G. Comparative Politics: system, Process and Policy. Boston, 1978.
9. Blondel J. Then and Now: Comparative Politics – Political Studies. 1999. Vol. 47. № 1.
10. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
11. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2005.
12. Абдулаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права. СПб., 2003.
13. Яковлева С. И. Российская многопартийность: исторический опыт и современность // Российская политология: прошлое, настоящее, будущее. Сыктывкар, 2002.

References

1. Ilyichev L. F., Fedoseev P. N., etc. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Philosophic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983.
2. Komarov S. A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [General Theory of State and Law]. Saint-Petersburg, 2004.
3. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 507 p.
4. Vasilik M. A., Vershinin M. S. Politologiya [Politicalology]. Moscow, 1999.
5. Sharan P. Sravnitel'naya politologiya [Comparative Politicalology]. In two parts. Part 1. Moscow, 1992.
6. Krasnov B. I. Vvedenie v istoriyu politicheskoy nauki [Introduction to the History of Political Science. Sotsialno-politicheskiy zhurnal [Socio-Political Journal]. 1995, no. 2.
7. Chirkin V. E. Globalnye modeli politicheskoy sistemy sovremennogo obshchestva : indikatory effektivnosti [Global Models of the Political System of Modern Society : Performance Indicators]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 1992, no. 5.
8. Almond G. A., Powell B. G. Comparative Politics: System, Process and Policy. Boston, 1978, p. 156.
9. Blondel J. Then and Now: Comparative Politics - Political Studies. 1999, vol. 47, no. 1.
10. Almond G. Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny [Political Science: History of the Discipline]. Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political Science: New Branches]. Ed. by R. Gudin, Kh.-D. Klingemann. Moscow, 1999.
11. Syryh V. M. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, 2005.
12. Abdulaev M. I., Komarov S. A. Problemy teorii gosudarstva i prava [Issues of Theory of State and Law]. Saint-Petersburg, 2003, p. 147.
13. Yakovleva S. I. Rossiyskaya mnogopartiynost: istoricheskiy opyt i sovremennost [Russian Multiparty: Historic Background and Today]. Rossiyskaya politologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Russian Politicalology: Past, Present, Future]. Syktyvkar, 2002.

МИШУКОВ С. Е., майор полиции,
соискатель степени магистра права

Институт управления

УМЕНЬШЕННАЯ ВМЕНЯЕМОСТЬ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросу уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Автор анализирует статью 22 Уголовного кодекса Российской Федерации с научно-практической точки зрения.

The article is devoted to the scientific and practical analysis of Article 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

□ **Ключевые слова:** уменьшенная вменяемость, уголовный кодекс, научное толкование

□ **Keywords:** diminished responsibility, Criminal Code, scientific interpretation

Согласно статье 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» УК РФ: «1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. 2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» [1].

Выявляется все большее количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, обнаруживающих психические расстройства, которые оказывают влияние на их интеллектуально-волевые процессы, определяют уменьшенную сиюминутную (актуальную) способность прогнозировать послед-

ствия своих действий и руководить ими, то есть играют существенную роль в механизме преступного поведения [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. При этом зачастую субъект полностью не лишён возможности сознательного и произвольного поведения, когда его способность осознавать свои действия, значение инкриминируемых поступков, руководить ими не утрачена совсем, но, на наш взгляд, по сравнению с общепринятой медико-психологической нормой реально уменьшена.

Вменяемость лица – его способность к осознанно-волевой регуляции поведения в момент совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК [9; 10; 11; 12; 13; 14]. Эта способность может снижаться под влиянием имеющегося психического, или соматопсихического, или психогенного эмоционально-аффективного расстройства. При этом лицо способно к осознанно-волевой регуляции своего поведения, но не в полной мере, то есть оно не может

в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [15; 16; 17; 18]. В большинстве случаев такое лицо полностью понимает фактический характер своих действий, но не в полной мере осознает их общественную опасность [19; 20; 21; 22; 23].

К названным психическим расстройствам относятся хронические психические расстройства в состоянии ремиссии (субремиссии), слабоумие в форме дебильности, иные болезненные состояния психики (например, психопатии, неврозы), предусмотренные статьей 21 УК (например, лицо, страдающее легкой формой дебильности, совершило деяние, предусмотренное статьей 131 УК, не в полной мере осознавая общественную опасность своего деяния в отношении потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста) [24; 25; 26; 27].

Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности [28; 29; 30].

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания, но оно не может отягчать наказание [31; 32; 33; 34].

Медицинский критерий не предопределяет вывод о невменяемости. Точно так же наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, не предпрещает вывод о том, что оно существенно сказывается на конкретном поведенческом акте. Медицинский критерий – только повод предполагать такую возможность, а проявилась ли она и насколько существенна в механизме конкретного преступного поведения – самостоятельные для следствия и суда вопросы. Применительно к конкретному преступлению должен уточняться факт влияния

этого психического расстройства на алгоритм выбора варианта поведения. Констатация психического расстройства, не исключающего вменяемости, без учета его влияния на поведение лица в ситуации преступления, иных обстоятельств дела не может быть основанием для безоговорочного смягчения наказания. В противном случае это может породить чувство «условной приятности, желательности» психического расстройства, заведомый расчет на «привилегированность», меньшую меру наказания, что противоречило бы целям общей и специальной превенции. Общество вправе требовать от тех, кто заведомо знает об имеющемся психическом расстройстве, целенаправленных усилий, чтобы противостоять своей особенности. Отсутствие таких усилий приведёт к тому, что разовьется негативная линия поведения [35; 36].

При наличии отягчающих наказание обстоятельств лицу с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, может быть назначено самое строгое наказание из числа тех, которые предусмотрены в санкции статьи.

Данная норма определяет вменяемость лица, которая не может быть «уменьшенной», «ограниченной», «пограничной» и т. д. Способность к осознанно-волевой регуляции поведения во время совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК, либо присутствует, либо отсутствует. В первом случае лицо признается вменяемым, во втором – невменяемым. Основанием для вынесения судебного решения являются данные дела, в том числе и заключение судебно-психиатрической экспертизы, которое подлежит оценке судом.

По нашему мнению, наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, относится только ко времени совершения лицом преступления и никаких правовых или иных последствий после отбывания наказания не влечет.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, что предусмотрено статьей 104 УК. Суд назначает принудительные меры медицинского характера не вместо, а наряду с уголовным наказанием. Эти принудительные меры медицинского характера исполняются не в психиатрическом стационаре, а амбулаторно по месту отбывания лишения свободы; в отношении осужденных к иным видам наказаний – в учреждениях органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную психи-

атрическую помощь (психоневрологический диспансер, психиатрический кабинет районной поликлиники и др.). Эффективность принудительных мер медицинского характера зависит от применяемой психофармакотерапии [37; 38; 39; 40].

Аналогичные нормы представлены в законодательстве ряда европейских государств. Практика их применения за рубежом имеет многолетний положительный опыт по профилактике преступности лиц, страдающих расстройствами личности, невротами. На наш взгляд, она может быть распространена и в Российской Федерации.

1. Белоус В. Г., Мартынов Е. А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учеб. пособие. Архангельск, 2013.
2. Белоус В. Г., Голодов П. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
3. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Нервно-психическая патология и преступное поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 665-670.
4. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» д-ра юрид. наук, д-ра мед. наук, проф. Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
5. Дивитаева О. А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
6. Дивитаева О. А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
7. Кожин Г. В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 54-57.
8. Колпакова А. О. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 58-61.
9. Мишуков С. Е., Годованец О. Г. О наказании виновного, страдающего психическим расстройством, в судебной практике // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 46-52.
10. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
11. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
12. Спасенников Б. А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.
13. Спасенников Б. А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.
14. Спасенников Б. А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210-215.
15. Спасенников Б. А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.

16. Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
17. Спасенников Б. А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
18. Спасенников Б. А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15-19.
19. Спасенников Б. А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
20. Спасенников Б. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
21. Спасенников Б. А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40-44.
22. Спасенников Б. А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
23. Спасенников Б. А., Белоус В. Г., Швырев Б. А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.
24. Спасенников Б. А., Вилкова А. В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.
25. Спасенников Б. А., Копыткин С. А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.
26. Спасенников Б. А., Лаверычева С. А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17-22.
27. Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.
28. Спасенников Б. А., Пономарев С. Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.
29. Спасенников Б. А., Смирнов А. М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.
30. Спасенников Б. А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осужденных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28-31.
31. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Преступное поведение и психические расстройства // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 28-31.
32. Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н., Вилкова А. В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.
33. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 198-199.
34. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17-20.
35. Швырев Б. А., Белоус В. Г., Кудряшов О. В. Проблема невменяемости в иностранном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 44-51.
36. Дюкова Г. М., Спасенников Б. А. Синдром Мюнхгаузена в медицинской практике // NovalInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 56. С. 410-417.
37. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovalInfo. 2016. Т. 1. № 54. С. 314-322.
38. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // Вестник международного Института управления. 2016. № 5-6 (141-142). С. 70-81.
39. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48-51.
40. Швырев Б. А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.

References

1. Belous V. G., Martynov E. A. Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii: etapy ego sovershenstvovaniya (1996-2013 gg.) [Criminal Code of the Russian Federation: Steps to Improve (1996-2013)]. Arkhangelsk, 2013.
2. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Aktualnye problemy yuridicheskoy psikhologii [Topical Issues of Juridical Psychology]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 26-32.
3. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Nervno-psihicheskaya patologiya i prestupnoe povedenie [Neuropsychiatric Disorders and Criminal Behavior] Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]. 2016. vol. 10, no. 4. pp. 665-670.
4. Bychkova A. M. Retsenziya na rabotu "Psihicheskie rasstroystva i ih uголовно-pravovoe, kriminologicheskoe, uголовно-ispolnitel'noe znachenie (istoriya, teoriya, uголовно-pravovoe regulirovanie, praktika)" d-ra yurid. nauk, d-ra med. nauk, prof. B. A. Spasennikova [Review of the Paper of B. A. Spasennikov, PhD in Law, MD, Professor "Mental Disorder and Its Criminal, Criminological, Penal Meaning (History, Theory, Criminal Regulation, Practice)"] Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2012, no. 5-6 (33-34), pp. 149-150.
5. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole meditsinskogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Medical Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 3-4 (133-134), pp. 61-66.
6. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole uголовного prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Criminal Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 57-62.
7. Kozhin G. V. Osnovaniya primeneniya prinuditelnykh mer meditsinskogo kharaktera (kommentariy stat'i 97 Uголовного kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Grounds for Application of Compulsory Medical Measures (Commentary on Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 54-57.
8. Kolpakova A. O. Prinuditelnye mery meditsinskogo kharaktera, soedinennye s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Medical Measures Coupled with the Enforcement]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 58-61.
9. Mishukov S. E., Godovanets O. G. O nakazanii vinovnogo, stradayushchego psikhicheskimi rasstroystvom, v sudebnoy praktike [On the Punishment of Perpetrators with Mental Disorders in Judicial Practice]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 1-2 (137-138), pp. 46-52.
10. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskiy analiz nevrastenii u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Neurasthenia Among Convicts]. Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 4, pp. 31-37.
11. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskiy analiz rasstroystv lichnosti u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Personality Disorders Among Convicts]. Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 2, pp. 33-40.
12. Spasennikov B. A. Lechebno-diagnosticskaya taktika pri rasstroystvakh lichnosti v praktike penitentsiarnoy meditsiny [Curative Diagnostic Tactic Under Personality Disorders in Practice of Penitentiary Medicine]. Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal [Russian Medical Journal]. 2015, vol. 21, no. 6, pp. 33-36.
13. Spasennikov B. A. Mediko-pravovye aspekty nevmenyaemosti v inostrannom zakonodatelstve [Medico-Legal Aspects of Insanity in Foreign Legislation]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 6, pp. 26-31.
14. Spasennikov B. A. Nevrasteniya u osuzhdennykh: kriminologicheskiy analiz [Neurasthenia Among Convicts: Criminological Analysis]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]. 2015, no. 3 (104). pp. 210-215.
15. Spasennikov B. A. O znachenii nevrastenii v prestupnom povedenii [Neurasthenia in Criminal Behavior]. Trudnyy patsient [Difficult Patient]. 2015, vol. 13, no. 3, pp. 41-45.
16. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe lechenie psichicheskikh rasstroystv (istoriko-meditsinskiy aspekt) [Compulsory Treatment of Mental Disorders (Historical Aspect)]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 1-2 (53-54), pp. 37-43.

17. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe psihiatricheskoe lechenie sociopaticheskikh rasstroystv [Compulsory Psychiatric Treatment of Sociopathic Disorders]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law]. 2016, no. 4, pp. 46-50.
18. Spasennikov B. A. Problemy zakonnosti prodleniya, izmeneniya i prekrashcheniya primeneniya prinuditelnykh mer meditsinskogo charaktera [Issues of Legality of Extension, Changing and Discontinuing of Compulsory Medical Measures]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation Bulletin]. 2015, vol. 49, no. 5, pp. 15-19.
19. Spasennikov B. A. Problemy teorii i sudebnoy praktiki, svyazannye s resheniem voprosov nakazaniya lits, stradayushchih psikhicheskimi rasstroystvami [Issues of Theory and Judicial Practice Addressing the Punishment of Persons Who Suffer from Mental Disorders]. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian Judge]. 2014, no. 6, pp. 36-39.
20. Spasennikov B. A. Psikhologicheskaya pomoshch' kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh [Psychological Care as Corrective Measures for Convicts]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 2 (30), pp. 70-71.
21. Spasennikov B. A. Ugolovnaya otvetstvennost' i psikhicheskie rasstroystva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal Liability and Mental Disorders: Comparative Research]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator]. 2016, no. 7, pp. 40-44.
22. Spasennikov B. A. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv [Criminal Legal Meaning of Mental Disorders]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law]. 2015, no. 2, pp. 49-55.
23. Spasennikov B. A., Belous V. G., Shvyrev B. A. Aktualnye problemy ugolovnogo prava: obzor literatury [Topical Issues of Criminal Law: Literature Review]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 2 (18), pp. 6-10.
24. Spasennikov B. A., Vil'kova A. V. Rasstroystva lichnosti u osuzhdennykh v penitentsiarnoy praktike [Personality Disorders of the Convicts in the Penitentiary Practice]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 1 (29), pp. 49-54.
25. Spasennikov B. A., Kopytkin S. A. O problemakh sudebno-psihiatricheskoy ekspertizy v sudebno-sledstvennoy praktike [On the Problems of the Forensic Psychiatric Examination in Judicial and Investigative Practice]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 3 (35), pp. 13-17.
26. Spasennikov B. A., Laverycheva S. A. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchih nakazanie v sledstvennykh izolyatorakh [Socio-Legal Characteristic of Convicts Serving Their Sentence in Detention Centers]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 1 (33), pp. 17-22.
27. Spasennikov B. A., Pertli L. F. Razvitie meditsinskoy pomoshchi v tyuremnoy sisteme Rossii (konets XVIII - nachalo XX veka) [Development of Medical Care in the Russian Prison System (the end of the 18th - beginning of the 20th century)]. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Issues of Social Hygiene, Medical Care and History of Medicine]. 2016, vol. 24, no. 4, pp. 252-256.
28. Spasennikov B. A., Ponomarev S. B. Problema vmenyaemosti v rossiyskom ugolovnom prave XVI-XIX vekov [Issue of Sanity in the Russian Criminal Law]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Section]. 2016, vol. 26, no. 2, pp. 119-122.
29. Spasennikov B. A., Smirnov A. M. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh muzhchin, otbyvayushchih nakazanie v ispravitelnykh koloniyakh [Socio-Legal Characteristic of Male Convicts Sentenced to Imprisonment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015, no. 9 (377), pp. 120-124.
30. Spasennikov B. A., Smirnov A. M., Tikhomirov A. N. Nevrologicheskiy status osuzhdennykh muzhchin, sostoyashchih na uchete v ugolovno-ispolnitel'noy inspeksii [Neurological Status of Male Convicts Registered in Criminal Executive Inspection]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law]. 2014, no. 5, pp. 28-31.
31. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Prestupnoe povedenie i psikhicheskie rasstroystva [Criminal Behavior and Mental Disorders]. *Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki* [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 5-6 (57-58), pp. 28-31.
32. Spasennikov B. A., Tikhomirov A. N., Vil'kova A. V. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv [Criminal Legal Meaning of Mental Disorders]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2014, no. 4 (28), pp. 4-8.
33. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Kriminalnoe povedenie i sindrom neterpeniya [Criminal Behavior and Impatience Syndrome]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man : Crime and Punishment]. 2015, no. 3, pp. 198-199.
34. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Prinuditelnoe lechenie sotsiopaticheskikh rasstroystv, soedinennoe s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Treatment of Sociopathic Disorders Connected With Execution of

Punishment]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 3 (31), pp. 17-20.

35. Shvyrev B. A., Belous V. G., Kudryashov O. V. Problema nevmenyaemosti v inostrannom ugovnom zakonodatelstve [Issue of Insanity in Foreign Criminal Legislation]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 5-6 (135-136), pp. 44-51.

36. Dyukova G. M., Spasennikov B. A. Sindrom Myunkhgauzena v meditsinskoy praktike [Munchausen Syndrome in Medical Practice]. NovalInfo. 2016. vol. 2, no. 56. pp. 410-417.

37. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. NovalInfo. 2016. vol. 1, no. 54. pp. 314-322.

38. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 5-6 (141-142), pp. 70-81.

39. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Novaya lekarstvennaya forma fenozepama [Phenazepam New Dosage Form]. Meditsinskaya sestra [Nurse]. 1991, no. 12, pp. 48-51.

40. Shvyrev B. A. Tseli prinuditel'nyh mer meditsinskogo haraktera [Objectives of Compulsory Medical Measures] Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 5-6 (129-130). pp. 54-59.

ПЛОТНИКОВ А. А., заведующий кафедрой
конституционного и муниципального права
высшей школы экономики, управления и права,
кандидат юридических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова

ОПТИМИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА: ПРЕОДОЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ ИЛИ ЕЕ ДОПУСТИМОСТЬ

В данной статье проанализированы позиции ученых относительно сложившейся асимметрии в федеративном устройстве России. Выявлены противоположные подходы по данной проблематике: обоснование необходимости преодоления асимметрии в конституционно-правовом статусе субъектов Российской Федерации и признание ее допустимости.

The article deals with scholars' views concerning the asymmetry of the Russian federative arrangement. Different approaches are revealed: on the one hand, asymmetry in the constitutional status of subjects of the Russian Federation should be overcome; on the other hand it is permissible.

□ **Ключевые слова:** федерация, федерализм, субъекты федерации, асимметрия федеративного устройства

□ **Keywords:** federation, federalism, subjects of the federation, asymmetry of the federative arrangement

Современный период исследования проблем асимметрии в федеративном устройстве России характеризуется наличием двух основных подходов:

1) поиск путей преодоления асимметрии в конституционно-правовом статусе субъектов Российской Федерации;

2) обоснование допустимости и даже необходимости асимметрии.

Согласно первому из них асимметрия федеративного устройства России есть сугубо отрицательное явление, поэтому она должна быть преодолена тем или иным путем. Принятие Указа Президента Российской

Федерации от 13 мая 2000 года № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [1], а также Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [2] заметно активизировало дискуссии среди сторонников построения в России абсолютно симметричной федерации.

Следует отметить, что в российском обществе неоднократно выдвигались предложения о «республиканизации» всех субъек-

тов Российской Федерации, в результате чего все субъекты будут иметь одинаковое наименование – «республика», и их статус будет определяться как государство в составе России [3, с. 18].

Действительно, мировой практикой подтверждено, что наибольшую стабильность имеют федерации, состоящие из однородных по статусу субъектов. Однако является ли наделение государственным статусом субъектов федерации наилучшим решением проблем федеративных отношений? На сегодняшний день в России 22 республики (государства). Некоторые из них в 1990-е годы вступали в явное противостояние с федеральной властью, а отдельные – пытались установить для себя особое привилегированное положение в российском государстве.

Идеи коренного изменения российской модели федерализма сформулированы Н. М. Добрыниным. По его мнению, недостатки современного российского федерализма носят системный и непреодолимый характер и могут быть устранены лишь путем коренного реформирования государственного устройства Российской Федерации. Указанная реформа должна осуществляться с учетом решения ряда основных задач:

1) достижение реального равноправия субъектов Российской Федерации, осуществляемого путем выбора симметричной модели построения федерации, которая предполагает равный статус для всех субъектов федерации (с учетом равенства экономического потенциала), а также равенство их прав во взаимоотношениях с федеральным центром;

2) достижение финансово-экономической самостоятельности, самодостаточности субъектов федерации, осуществляемой за счет собственного экономического потенциала субъектов;

3) территориальное переустройство России, с учетом опять же экономической са-

модостаточности субъектов и критерия управляемости территорий вновь создаваемых субъектов федерации [4, с. 25].

Несложно заметить, что во главу угла Н. М. Добрынин поставил экономический фактор развития субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, данным предложением присущ труднодостижимый, в значительной степени утопичный характер. Во-первых, территориальное переустройство Российской Федерации на основе экономического критерия имеет ряд недостатков. Экономическая ситуация в стране по прошествии какого-то времени может измениться. Поэтому регионы, созданные как экономически состоятельные, могут стать экономически депрессивными. В свою очередь, появление экономически депрессивных регионов вновь потребует территориального преобразования России. Указанный процесс может продолжаться практически постоянно, что вряд ли может считаться целесообразным.

Во-вторых, асимметрия субъектов Российской Федерации понимается Н. М. Добрыниным не только как различие их конституционно-правового статуса, но и как различие их экономического потенциала. С учетом этого симметрия статуса субъектов федерации понимается как равенство и первого, и второго критериев. При этом необходимо отметить, что достижение равенства экономических потенциалов невозможно в силу объективных причин (наличие или отсутствие у субъектов Российской Федерации собственных природных ресурсов, огромные диспропорции в инфраструктурном развитии, различные климатические условия и многое другое).

В-третьих, концепция изменения современного государственного устройства, предложенная Н. М. Добрыниным, практически не реализуема в политическом и правовом плане, поскольку, с одной стороны, это должно фактически сопровождаться принятием

новой Конституции Российской Федерации, а с другой стороны, ведущие политические силы России отстаивают позицию о нежелательности значительных изменений в действующей Конституции Российской Федерации.

Отрицательно оценивает асимметричную федерацию и И. А. Умнова: «В асимметричной федерации, как правило, неизбежны конфликты и размежевание, так как различия между субъектами Федерации становятся перманентным источником недовольства тех, кто необъективно ущемлен в правах» [5, с. 40].

Свое отрицательное отношение к асимметричной форме федеративного устройства высказывают некоторые зарубежные исследователи. Так, по мнению Д. Уэббера, оппозиция асимметричному федерализму нередко носит интуитивный характер, когда любой специальный статус региона и набор полномочий, отличный от того, которым обладают другие субъекты федерации, не принимается в принципе, поскольку противоречит некоей «идее справедливости»: предоставить специальные права одному региону означает ущемить права других [6, с. 314].

Ч. Тарлтон полагает, что асимметрия создает почву для конфликтов в федерациях, тогда как симметричная федерация является синонимом гармонии. Ученый призывает стремиться к устранению элементов асимметрии в организации федеративного государства, при этом, по его мнению, «потенциал раскола» асимметрии может быть преодолен только усилением центральной власти [7, с. 13].

Х. Мартинес-Васкес видит в асимметрии прав регионов одновременно и асимметрию прав проживающих в них граждан. Кроме того, асимметрия, по его мнению, снижает возможности центрального правительства решать общенациональные задачи, снижает прозрачность и в целом чрезмерно ус-

ложняет административные отношения [8, с. 13].

Авторы другого подхода – о допустимости и даже необходимости асимметрии – считают, что она несет в себе положительный потенциал, позволяющий учитывать особенности различных субъектов Российской Федерации и приспособлять их конституционно-правовой статус к данным особенностям.

Разумеется, наиболее радикальную позицию занимают представители некоторых республик в составе Российской Федерации. Так, например, Р. С. Хакимов исходит из необходимости сохранения привилегированного положения республик в составе Российской Федерации как национальных государственных образований, соответствующих «титულным» нациям. Однако трудно согласиться с его мнением, что закрепление асимметрии республик в составе Российской Федерации преследует цель защиты прав нерусских народов, проживающих в Российской Федерации. Также не совсем понятны рассуждения данного автора о том, что функции центральных органов государственной власти должны определяться субъектами Российской Федерации, поскольку источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [9, с. 69].

Таким образом, реализация идей Р. С. Хакимова о построении в России асимметричной федерации с привилегированным положением республик способна привести к деградации Российской Федерации и созданию предпосылок для ее последующего распада.

Вместе с тем следует отметить, что существуют и более взвешенные позиции, отстаивающие целесообразность сохранения России как федерации с асимметричным статусом субъектов. Так, например, М. Мендрас отмечает, что если асимметрия означает многообразие, то она будет существо-

вать всегда, а ее отрицание может привести к негативным последствиям. По мнению ученого, справедливость сама по себе не означает тотального равенства и однообразия. Справедливость означает, что власть на всех уровнях берет на себя обязанность гармонизации общественных отношений и ликвидации крайних форм бедности и социального неравенства. С учетом этого улучшение государственного управления являлось бы наиболее адекватным ответом на углубление различий регионов и рост асимметрии федерации [10, с. 8].

Аналогичных взглядов придерживается Л. Ф. Болтенкова, которая полагает, что вряд ли имеет смысл «подгонять» все субъекты Российской Федерации под одно название, так как сегодняшние реалии России слишком богаты и многообразны, чтобы их можно было втиснуть в одну узкую схему [11, с. 48]. По ее мнению, асимметричный федерализм в гораздо большей степени учитывает интересы субъектов федерации, что способствует развитию нормальных федеративных отношений и укреплению основ федеративного государства, в то время как симметричная организация федеративного государства ведет к примитивной унификации регионов и способствует возникновению конфликтного потенциала в федеративных отношениях [11, с. 49].

В. Е. Чиркин считает, что асимметричная федерация опирается на объективно существующие социально-экономические, исторические, национальные, географические и иные условия. Стремление игнорировать эти факторы путем искусственного выравнивания статуса субъектов федерации может в определенных условиях принести только вред [12, с. 153].

В свою очередь, А. Хайнеманн-Грудер, исследуя российский федерализм, сделал вывод, согласно которому асимметрия (путем «договорной политики») создала предпосылки для федеративного «общественного до-

говора» и обусловила переход России к подлинному федерализму. Согласно мнению ученого, «посредством юридической асимметрии Россия ввела решающие элементы федеративного разделения полномочий и предпосылки для возникновения федеральной общности ценностей. Без указанной меры политическая система Российской Федерации была бы просто заменой прежнего партийного централизма президентством, и ни о каком подлинном федерализме не могло быть и речи» [13, с. 6].

Компромиссное мнение высказывает Р. Уоттс, который, признавая тот факт, что асимметрия региональных единиц усложняет процесс координации регионов, вместе с тем отмечает, что во многих федерациях введение конституционной асимметрии явилось эффективным способом приспособления субъектов федерации, отличающихся большим разнообразием (в частности, находящихся на разных стадиях политического развития), к существованию в рамках единого государства. По его мнению, федеративная асимметрия опирается на объективно существующие различия между членами федерации, и различные асимметричные меры лишь приспособляют регионы с различными потенциалами к существованию в едином государстве в атмосфере полной политической стабильности [14, с. 109-115].

Подводя итог, можно констатировать, что до настоящего времени нет единства в понимании того, какой должна быть Российская Федерация: федерацией с симметричным или с асимметричным конституционно-правовым статусом своих субъектов. Как следствие, в зависимости от того, какая из точек зрения является господствующей в федеральных органах государственной власти, идет или процесс дифференциации конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации (при этом асимметрия усиливается), или процесс унифика-

ции конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации (асимметрия ослабевает).

Конституция РФ, с одной стороны, провозглашает принцип равноправия субъектов Российской Федерации, с другой стороны, содержит положения, закрепляющие особенности конституционно-правового статуса отдельных видов субъектов Российской Федерации и положения, допускающие договорное разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами.

Наличие таких диаметрально противоположных положений привело к тому, что в период с 1994 по 1999 годы в рамках действующей Конституции Российской Федерации асимметрия конституционно-правового статуса различных субъектов Российской Федерации существенно усиливалась, в

первую очередь за счет практики заключения индивидуальных договоров о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и отдельными субъектами.

С 2000 года и по настоящее время наблюдается противоположная тенденция: осуществляется последовательная унификация правового статуса субъектов Российской Федерации. Основным аргументом данного процесса выступает необходимость недопущения нарушений прав и свобод граждан, возникающих в связи с их фактическим проживанием на территории различных субъектов Российской Федерации.

Как показывает мировой опыт, черты асимметрии присущи в той или иной мере всем федеративным государствам. Однако сохранение единого целостного государства всегда остается приоритетом государственной политики.

1. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
2. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4916.
3. Чертков А. Н. Перспективы расширения способов изменения субъектного состава Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2008. № 5.
4. Добрынин Н. М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2004.
5. Умнова И. А. Конституционные основы современного Российского Федерализма. М.: Дело, 1998.
6. Webber J. Reimagining Canada: Language, Culture, Community and the Canadian Constitution. Montreal, 1994.
7. Tarlton Ch.D. Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation // Journal of Politics. 1965. № 27. P. 872. Martinez-Vazquez J. Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison? Atlanta, 2002.
8. Martinez-Vazquez J. Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison? Atlanta. 2002.
9. Хакимов Р. С. Асимметричность Российской Федерации: взгляд из Татарстана // Асимметричность федерации / Под ред. А. Захарова. М., 1997.
10. Мендрас М. Асимметрия или многообразие // Асимметричность федерации / Под ред. А. Захарова. М., 1997.
11. Болтенкова Л. Ф. Российская Федерация и статус ее субъектов // Российская государственность: состояние и перспективы развития. М., 1995.
12. Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8-9.
13. Heinemann-Gruder A. Taming the Beast: Asymmetry, Federal Integration and Heterogeneous State in Russia. Berlin, 1998.
14. Watts R.L. Comparing Federal Systems in 1990s. Montreal, 1999.

References

1. O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v federal'nom okruge: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 13 maya 2000 goda № 849 [Decree of the President of the Russian Federation "On Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation to the Federal District" of May 13, 2000 No. 849]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2000, no. 20, article 2112.
2. O poryadke prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovaniya v ee sostave novogo sub"ekta Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 17 dekabrya 2001 goda № 6-FKZ [Federal Constitutional Law "On the Procedure of Admission to the Russian Federation and Creation of a New Subject Within the Russian Federation" of December 17, 2001 No. 6-FKZ] Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2001, no. 52 (part 1), art. 4916.
3. Chertkov A. N. Perspektivy rasshireniya sposobov izmeneniya sub"ektnogo sostava Rossiyskoy Federatsii [Prospects to Expand the Ways of Changing the Subject Composition of the Russian Federation]. Administrativnoe i munitsipal'noe pravo (Administrative and Municipal Law). 2008, no. 5.
4. Dobrynin N. M. Novyy federalizm: kontseptual'naya model' gosudarstvennogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [New Federalism: Conceptual Model of the State Structure of the Russian Federation: Cand. Jurid. Sci. Dis. Abs.]. Tyumen', 2004.
5. Umnova I. A. Konstitutsionnye osnovy sovremennogo Rossiyskogo Federalizma [Constitutional Fundamentals of Modern Russian Federalism]. Moscow, Delo publ., 1998.
6. Webber J. Reimagining Canada: Language, Culture, Community and the Canadian Constitution. Montreal, 1994.
7. Tarlton Ch.D. Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation. Journal of Politics. 1965. № 27. P. 872. Martinez-Vazquez J. Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison? Atlanta, 2002.
8. Martinez-Vazquez J. Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison? Atlanta. 2002.
9. Khakimov R. S. Asimmetrichnost' Rossiyskoy Federatsii: vzglyad iz Tatarstana [Russian Federation Asymmetry: a View from Tatarstan. Asimmetrichnost' federatsii [Federation Asymmetry]. Ed. by A. Zakharov. Moscow, 1997.
10. Mendras M. Asimetriya ili mnogoobrazie [Asymmetry or Multiplicity] Asimmetrichnost' federatsii [Federation Asymmetry]. Ed. by A. Zakharov. Moscow, 1997.
11. Boltenkova L. F. Rossiyskaya Federatsiya i status ee sub"ektov [Russian Federation and the Status of its Subjects]. Rossiyskaya gosudarstvennost': sostoyanie i perspektivy razvitiya [Russian Statehood: Status and Prospects]. Moscow, 1995.
12. Chirkin V. E. Modeli sovremennogo federalizma: sravnitel'nyy analiz [Models of Modern Federalism: Comparative Analysis]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 1994, no. 8-9.
13. Heinemann-Gruder A. Taming the Beast: Asymmetry, Federal Integration and Heterogeneous State in Russia. Berlin, 1998.
14. Watts R.L. Comparing Federal Systems in 1990s. Montreal, 1999.

СИДОРОВА Т. А., профессор кафедры
русского языка и речевой культуры
Высшей школы социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации,
доктор филологических наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова

ДИАГНОСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТА

Основная задача данной статьи – показать роль лингвистической экспертизы в делах, связанных с коррупцией, в частности, с получением и дачей взятки. Автор исходит из того, что названные действия можно представить как некое коммуникативное событие, компоненты которого следует интерпретировать в лингвистическом аспекте.

The primary task of this article is to show the role of linguistic expertise in cases connected with corruption, in particular, bribery. The author concludes that these actions could be presented as communicative events, the elements of which must be interpreted in linguistic aspect.

□ **Ключевые слова:** коммуникативное событие, дача взятки, получение взятки, провокация взятки, вымогательство взятки

□ **Keywords:** communicative event, giving bribe, acceptance of a bribe, provocation of bribery, extortion

Актуальность данного исследования обусловлена не только отсутствием специальных лингвистических теорий, используемых в экспертной деятельности, но и размытостью ряда понятий в правовых документах. Так, есть правовое определение понятия «получение взятки», но отсутствует определение понятия «дача взятки». Между данными понятиями актуализированы каузативные отношения, но деяние «получение взятки» оценивается законодателем как более опасное, нежели «дача взятки». Требуется дополнительных решений и проблема объективации смежных деяний: «провокация взятки», «вымогательство взятки», «коммерческий подкуп». Именно лингвистическая экспертиза становится важным способом получения доказательственной информации для решения названных проблем.

На основании правовых определений можно выделить следующие компоненты коммуникативного события **ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО**:

1. Предметом взяточничества являются: деньги, ценные бумаги, имущество, услуги имущественного характера (например, ремонт квартиры), имущественные права (например, кредитная карта).

2. Действие заключается в получении предмета (взятки)/передаче предмета.

3. Субъектом получения взятки является должностное лицо, которое именуется **ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЕМ**. Косвенно субъектом может быть посредник. Субъект дачи взятки называется **ВЗЯТКОДАТЕЛЕМ**, им может выступать любое лицо. Закон связывает статус должностного лица с выполнением властных или иных управленческих функций (функции

представителя власти либо организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции). Взятку должностное лицо получает именно в связи с выполнением им данных функций.

4. Наличие цели у взяткодателя – совершение действий (бездействие) в его пользу или в пользу представляемых им лиц.

5. Наличие корыстного мотива у взяткополучателя (в противном случае действие/бездействие в пользу взяткодателя квалифицируются как злоупотребление должностными полномочиями).

6. Действия/бездействие в пользу взяткодателя входят в служебные полномочия взяткополучателя и связаны с организационно-распорядительными, административно-хозяйственными функциями.

Действие/бездействие взяткополучателя выражается: а) в совершении действий в пользу взяткодателя; б) в содействии в силу должностного положения совершению необходимых взяткодателю действий; в) в покровительстве по службе, то есть «создании благоприятных условий для кого-либо» [1, с. 723] (например, в недобросовестном назначении подчиненного); г) в попустительстве по службе, то есть «отсутствии противодействия чему-либо недопустимому, противозаконному» [1, с. 726] (например, неприменение мер ответственности).

7. Последствия деяний «получение взятки» и «дача взятки»: а) посягательство на основы государственной власти, б) нарушение нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений, в) подрыв их авторитета, г) деформация правосознания граждан, д) препятствие конкуренции, е) затруднение экономического развития.

Выделенные компоненты манифестируют особую значимость лингвистической экспертизы, которая необходима для установления юридически значимых фактов. Лингвистическая экспертиза играет ведущую роль в ус-

тановлении средств речевого выражения, выявлении как явного, так и завуалированного содержания дискурсивных фрагментов, коммуникативного статуса говорящих, их речевых намерений, тематического, смыслового, коммуникативного состава высказывания и т. п.

Получение взятки и дача взятки не относятся к словесным правонарушениям. Однако о наличии признаков лингвистического характера свидетельствуют совместные исследования юристов и лингвистов. Например, статья «О производстве судебных лингвистических экспертиз при расследовании преступлений коррупционной направленности» опубликована кандидатом юридических наук, майором милиции А. Г. Брагиной и кандидатами филологических наук, капитанами милиции Н. Ю. Мамаевым и П. А. Маняниным. Статья содержит перечень типовых смысловых элементов получения/дачи взятки, выявление которых требует специальных лингвистических познаний: «речевое описание ситуации передачи объекта, ее участников, а также различных условий и обстоятельств передачи объекта, установление объекта передачи или его характеристик, его предназначения (за что передается) и характера волеизъявления собеседников (предложение, требование, угроза и т. п.)» [2, с. 9].

Исследователи акцентируют внимание на значимости выявления лингвистической информации при квалификации такого деяния, как взятничество. Необходимость лингвистической экспертизы обусловлена тем, что преступления такого рода, как правило, фиксируются при помощи аудио- и/или видеотехники, и для того чтобы получить объективное представление о ситуации, у следствия возникает потребность проанализировать речевые действия участников ситуации.

Поскольку целью экспертизы является поиск доказательств, которые не лежат на поверхности, в задачи лингвиста-эксперта, проводящего экспертизу по уголовному делу о

взятке, входит выяснение следующих вопросов: имела ли место предварительная договоренность о встрече, о передаче чего-либо, идет ли в разговоре речь о передаче денежных средств, какие имеются речевые указания о предназначении этих средств, способ передачи средств и пр. Следовательно, при производстве экспертизы важно учитывать дискурсивные особенности речевого взаимодействия, т. е. коммуникативного события как единицы дискурса (необходимо знать о социальной ситуации, коммуникативной ситуации, правилах поведения и др.).

Коммуникативная ситуация представляет собой сочетание внешних и внутренних условий и обстоятельств, в которых протекает речевое общение, положение дел, сопровождающее коммуникацию. Коммуникативная ситуация связана с образами участников общения и представляет собой совокупность следующих компонентов: предмет разговора, участники разговора (их коммуникативные, социальные, психологические роли), цель разговора, причины коммуникативных удач/неудач.

В число факторов, формирующих **коммуникативную ситуацию**, входят: 1) коммуникативные цели (намерения) участников коммуникации – мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации, направленность сознания на этот результат; 2) коммуникативные установки собеседников – зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов; 3) коммуникативные роли собеседников (например, кто является инициатором, кто передает, а кто получает денежные средства), которые определяют отношения иерархии/равенства и т.п.; 4) канал передачи информации (тет-а-тет, по телефону, через посредника), публичность/приватность (статья в газете/разговор в очереди) и др.

Поскольку дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, со-

циокультурными, психологическими и другими факторами, текст в событийном аспекте» [4, с. 117], помимо лингвистического аспекта важно учитывать **социальный контекст** как определенную социальную ситуацию; **психологический контекст** – эмоции и психическое состояние говорящих и воспринимающих; **когнитивный контекст** – общие культурные установки, а также структуры знаний, стоящие за высказыванием (пресуппозиции, представления, идеи, пропозиции и т. п.). Речевое воплощение коммуникации может быть связано с тем или иным лингвокультурным кодом, который позволит выявить глубинные смыслы.

Таким образом, при анализе коммуникативной ситуации целесообразно учитывать различные аспекты. Рассмотрим эти аспекты.

1. **Экстралингвистический аспект**, который ещё называется конситуация (референтный аспект) – «объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия общения и его участники (т.е. кто, что, где и когда) [4, с. 194].

2. Контекст, отражающий **семантический аспект** коммуникативного акта, – это «имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта» [4, с. 197]. Понимание контекста коммуникантом входит в его индивидуальное когнитивное пространство. Одинаковое понимание контекста коммуникантами является частью пресуппозиции, но и сама пресуппозиция является частью контекста, актуализируясь в нем.

3. **Когнитивный аспект** реализуется через пресуппозицию – «зону пересечения индивидуальных концептуальных пространств коммуникантов» [4, с. 194], включая их представления о конситуации, понимание контекста.

4. **Лингвистический аспект** представлен в виде речи – «продукта непосредственного

речепроизводства, того, что продуцируют коммуниканты» [4]. Необходимо добавить, что **конситуация** и **речь** присутствуют в коммуникативном акте эксплицитно, являясь поверхностными компонентами его структуры. **Пресуппозиция** и **контекст** представлены в коммуникативном акте **имплицитно**, образуя его глубинные компоненты.

В устной речи особое значение имеют речевые стратегии и тактики, обусловленные намерением и целеустановкой говорящего. Стратегия соотносит поведение субъекта с его целями в рамках конкретного коммуникативного эпизода и представляет собой совокупность речевых тактик, необходимых для реализации коммуникативной цели. Тактика речевого общения может в большей степени, чем стратегия, меняться в зависимости от меняющихся условий общения, мнений, сведений, сообщаемых в ходе разговора. Стратегии и тактики, используемые в конкретных условиях коммуникации с учетом сферы общения и «принятых в ней, а также общенациональных конвенциональных и этикетных норм, к тому же окрашенных биографической, субъективно-психологической и эмоциональной модальностью» [5, с. 154], определяют направленность **речевого поведения коммуникантов**.

Выявление компонентов коммуникативной ситуации взяточничества, стратегий и тактик, которые реализуют собеседники в процессе коммуникации, является значимым для установления лингвистических признаков **взяточничества** при производстве экспертизы. Особую значимость приобретает лингвистический анализ разговоров, в которых тот или иной элемент выражен в завуалированной форме. В этом случае эксперт должен выявить информацию, выраженную неявно, в контексте целого разговора. Например, собеседники могут маскировать свои намерения путем пропуска значимых элементов высказывания: «Ну, ты понимаешь, о чем я»; путем замены значи-

мых смысловых элементов: «*Передашь свой долг секретарю! – Какому секретарю? – Ну что ты? Секретарю. – А-а, понял. Да-да. Конечно!*».

В схематичном виде ситуация дачи/получения взятки такова: имеются два лица, одно из которых находится в проблемной ситуации и для разрешения этой проблемы обращается к должностному лицу, которое в силу занимаемого им высокого положения способно проблему решить. В качестве платы за услугу первое лицо предлагает второму некую сумму (или право).

Рассмотрим аспекты **ситуации взяточничества** на примере экспертизы текста диалога.

В разговоре участвуют двое. Обозначим их условно «К» и «А». Референтную ситуацию можно представить следующим образом: *К. пришел в кабинет к А, где между ними состоялся разговор о решении вопроса, связанного с проверкой деятельности предприятия К. Предмет разговора несколько раз меняется в первой половине диалога, затем предметом становятся проблемы К, связанные с проверками его организации. Сначала речь идет о компании «Химпродукт» и неких Пестовых, затем разговор заходит о доверии к Сергею, через которого можно «что-то передать». Разговор переходит на обсуждение проверки предприятия «Трансфер», возврата печатей, угроз со стороны 3-х лиц, возбуждения дела против К. В завершение разговор снова возвращается к уточнению вопроса насчет Сергея. В соответствии с номинативной стороной высказывания тема диалога – проверка организации К. и пути решения возникающих по этому поводу проблем. Из анализа номинативного аспекта ясно, что разговору предшествовала определенная ситуация, которая представляет собой следующую пресуппозиционную информацию:*

1. Между А. и К. была договоренность о встрече, в ходе которой они собирались про-

должить обсуждение проблем предприятия К. Об этом свидетельствует первая фраза: А. «Присаживайтесь, че стоять-то», употребление разговорной формы «че», не характерной для официальной обстановки и ситуации первой встречи, а также быстрый переход на обсуждение знакомых для каждого из участников тем.

2. Между А. и К. существует посредник («я ему что-то передам...», «а Сергей говорил – до июня»), который находится в позиции сотрудничества или подчинения с А., об этом свидетельствуют вопросы о Сергее, обращенные к А.: «Мне Сергею можно доверять?»; «Ну, в общем, все с Сергеем?».

3. А. обладает определенными полномочиями, необходимыми для решения вопросов К. («Ну, думаю, до июля я все сделаю», «я сегодня поеду с ними разговаривать», «сегодня разберемся»). Исходя из вопросов К. («Когда закончится проверка?»), можно предположить, что инициатором проверки предприятия является сам А. и от него зависит дальнейшее функционирование фирмы К. («ну, я думаю, до июля я все сделаю... до конца июня, потому что в июле хочу в отпуск уйти»).

4. У А. есть связи, которые помогут ему в решении проблем (люди с Северо-Запада и Игорь Лозенко).

5. Существует некая денежная сумма, предназначенная от К. для А. («Я ему что-то передам, до вас дойдет?», «в общем, по деньгам все с Сергеем?»).

Любая пресуппозиция имеет социокультурную природу. Существуют традиционные установки в той или иной типичной ситуации. Перед нами типичная ситуация: субъект (А.) имеет возможность закончить проверки и предотвратить производство по делу фирмы К. Поэтому К. договаривается с А. о его услугах. А. «что-то» получает (должен получить) взамен. Ведущее положение в диалоге занимает К., который задает вопросы («а мне куда?», «печати вы нам вернете?», «до Вас дойдет?»), инициирует темы для разго-

вора. Инициативная роль К. обусловлена его намерением – выяснить, когда А. решит вопрос с прекращением проверки и вернет печати, а также ввести его в курс дела по поводу новых проблем. Данное намерение реализуется через тактики, характерные для речевой **стратегии подчинения**. К. использует тактику просьбы («мне желательно, чтобы печати вернули»), убеждения («ну и вы меня поймите»), пожелания («чтобы ко мне 25 человек не приезжало»). Реактивную роль исполняет А., который лишь продолжает заданные темы, отвечает на вопросы и реагирует («ну, да», «ну, понятно», «нет, нет»). Контекст подсказывает, что пассивная позиция А. обусловлена установкой, которую условно можно обозначить «ситуация в моих руках» («подумаем», «я все сделаю», «я общаюсь с ними хорошо», «разберемся»). Ощущается зависимость К. от А., что актуализируется в просьбах К., высказывании «сами решайте, как считаете нужным...».

Таким образом, речевое поведение говорящих квалифицируется как информативное, что проявляется в ходе диалога: К. заинтересован в получении информации, а А. лишь реагирует на заданный вопрос и в целом занимает пассивную позицию в коммуникации.

Остановимся на фрагменте разговора о Сергее и передаче денежных средств. Необходимо отметить, что в начале диалога К. реализует модус осторожности и не называет деньги прямо, употребляя местоимение «что-то» («я ему что-то передам...»), однако завершая диалог, К. снова спрашивает: «Ну, в общем, по деньгам все с Сергеем?», тем самым актуализирует семантику денег в рамках всего диалога и, возможно, напоминает А., что его услуги будут вознаграждены. В рассматриваемом фрагменте основная коммуникативная цель К. – уточнить, насколько надежен Сергей для того, чтобы передать через него денежную сумму для А. («у меня интересный вопрос: мне Сергею можно доверять?», переспрос с уточнением: «Я ему

что-то передам, до Вас дойдет?»). А. дает положительный ответ и ссылается на то, что они давно общаются («мы с ним хорошо общаемся. Ну, давно уже»). Исходя из контекста, слово «общаться» употреблено в значении «сотрудничать», что также характерно для сферы деловых отношений. Ср.: Мы давно общаемся по этому вопросу = мы давно сотрудничаем (работаем) по данному вопросу. В процессе разговора А. употребляет данный глагол («я общаюсь с ними хорошо»), как бы ссылаясь на прошлый опыт сотрудничества, соответственно можно предположить, что у А. уже был определенный опыт сотрудничества с Сергеем в подобной ситуации. На информацию А. К. реагирует утверждением «с ним можно сотрудничать». Таким образом, К. выражает доверие к А., дает понять, что понимание достигнуто, и демонстрирует готовность действовать через Сергея. Реплика А. «ну все, самое главное» сигнализирует о том, что основным для А. является вопрос реализации передачи денег и достигнутое понимание в этом вопросе для него является главным.

Приведенный текст не содержит непосредственно ситуации передачи объекта взяточничества, однако, как показывает экспертный опыт, наиболее информативными являются разговоры, предшествующие событию непосредственной передачи объекта (договоренности участников ситуации). В разговорах во время передачи и после нее информация о размере и форме вознаграждения, совершении каких-либо действий в пользу взяткодателя, а также о наличии/отсутствии посредника менее выражена. Следовательно, наиболее целесообразным представляется анализ разговоров между участниками на всех этапах их взаимодействия.

В ситуации взяточничества социальные роли участников характеризуются как изначально неравные (один занимает более высокое положение, другой – более низкое, один является просителем, другой – тем,

кого просят). Это и определяет коммуникативное поведение собеседников. Мотивировка речевых поступков субъекта дачи взятки состоит в желании разрешить свои проблемы «простым» путем (посредством услуги, которую может оказать должностное лицо). Для достижения своей цели им используются тактики предложения, просьбы, убеждения, уговоров; в рамках стратегии кооперации – тактики лесты, похвалы, согласия, уступки. В свою очередь, субъект получения взятки, как правило, исполняет реактивную роль в диалоге. В том случае, если инициатива передачи объекта исходит от него, встает вопрос о наличии признаков **вымогательства**. Если он использует тактику намека – пространных рассуждений о том, насколько сложно совершить ожидаемое от него действие и от скольких людей зависит его успех, – реализуется намерение увеличить сумму взятки.

На основе приведенного анализа и правового определения получения/дачи взятки для установления криминалистически значимых лингвистических признаков взяточничества перед экспертом целесообразно поставить следующие вопросы (каждый вопрос касается определенного аспекта ситуации взяточничества и имеет правовое значение):

1. Имеется ли в представленных разговорах речевое указание на наличие предварительной договоренности собеседников о встрече или передаче чего-либо?

Выявление данного смыслового элемента имеет значение для следствия, и его наличие в разговоре может указывать на совершение преступления по предварительному сговору. Установление лингвистического указания на наличие разговоров и встреч, предшествующих событию передачи объекта, позволяет также исключить состав преступления «провокация взятки», когда денежные средства подбрасываются или переводятся на счет без согласия и осведомленности должностного лица с целью его

уличения во взяточничестве. Следовательно, отсутствие предварительной договоренности может свидетельствовать о том, что имела место провокация.

2. Выражены ли в представленных разговорах ситуации передачи чего-либо от одного лица другому? Если да, то имеется ли речевое указание на ситуацию передачи объекта как реализованную в прошлом, планируемую в будущем или происходящую непосредственно во время разговора?

3. Как характеризуется объект передачи?

Анализ разговора о передаче объекта позволяет установить, о чем идет речь. Согласно ст. 290 УК РФ объект может быть представлен в виде денег, имущества, услуг имущественного характера (путевка), имущественных прав (чек). Эта информация может быть использована для определения предмета взяточничества и размера вознаграждения (имеет значение для вменения квалифицирующего признака «в крупном» или «особо крупном» размере). Следует иметь в виду, что объект может быть прямо не назван. Например, в одном из исследований, осуществленном автором статьи, объект был назван словом «бумага». Однако в контексте актуализировалось понятие «деньги» (была названа сумма в цифрах).

4. Выражена ли в представленных разговорах ситуация выполнения каких-либо действий (бездействия) одним лицом в интересах другого?

Необходимость выявления речевого указания на ожидаемые действия связана с обязательным признаком взяточничества – «совершение действий в пользу взяткодателя». Важность раскрытия содержания данных действий продиктована их законодательной характеристикой – действия должны быть совершены в связи с выполнением обязанностей по службе должностного лица или в связи с занимаемым им положением (когда в рамках своей компетенции он может повлиять на ситуацию). В противном случае

правовая квалификация содеянного будет рассматриваться как превышение должностных полномочий. Например, в одной из экспертиз взяткодатель благодарит взяткополучателя за победу в конкурсе и получение заказа на поставку оборудования для больницы.

5. Выражена ли в разговоре связь между передачей объекта и выполнением каких-либо действий (бездействия) одним лицом в интересах другого? Если да, то имеется ли речевое указание на прямую зависимость выполнения/невыполнения действия от передачи/непередачи объекта? Например, в вышеназванной экспертизе такая связь была обозначена вопросом: «*Как передать вам вознаграждение за выигранный нами конкурс?*»

6. Кто в данном разговоре является передающим, а кто получающим материальные объекты?

Передача объекта часто связана с институтом «посредничества», поэтому не всегда получающим субъектом является должностное лицо, а дающим – заинтересованный субъект. Посредник может непосредственно передавать взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иным образом способствовать взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Посредничество наказуемо уголовным законом, поэтому речевое указание на наличие посредника представляет собой криминалистически важную информацию. В качестве посредника могут выступать и родственники. Например, в деле главного врача, способствовавшего победе в конкурсе на поставку оборудования для больницы, посредником был сын врача, обучающийся в Москве. Референтную ситуацию можно представить следующим образом: *мужчине позвонила из Москвы женщина от имени фирмы. Она сообщила о получении некой суммы от Б. и спросила, куда перечислить проценты.*

Б. предложил передать деньги (проценты) человеку, который будет в Москве и подойдёт к ним (представителям фирмы).

В соответствии с номинативной стороной высказываний **предметом** разговора является некий процент от суммы, поступившей в фирму от Б. **Тема** диалога – куда направить процент от поступившей суммы. Из анализа номинативного аспекта диалога ясно, что разговору предшествовала определённая ситуация, которая представляет собой пресуппозиционную информацию. Эту **пресуппозиционную информацию** можно представить следующим образом: 1) Б. является посредником передачи суммы фирме, 2) фирма была заинтересована в том, чтобы именно ей была передана эта сумма, 3) эту сумму могли передать другой фирме (у фирмы были конкуренты), 4) Б. предварительно договорился с фирмой, что за посреднические услуги фирма передаст (перечислит) ему определённые проценты, 5) именно Б. способствовал тому, чтобы сумма была передана данной фирме. Перед нами **типичная ситуация**: субъект (Б.) имеет возможность повлиять на выбор фирмы для заключения договора о сотрудничестве с последующей передачей фирме определённой суммы за те или иные услуги. Фирма хочет получить эту сумму. Поэтому Б. договаривается с фирмой о посреднических услугах за определённый процент от суммы. Отсюда и вышеназванная **пресуппозиция** (установку можно назвать условно «рука руку моет»).

7. Имеется ли речевое указание на лиц, являющихся источником передаваемого объекта, а также на лиц, которым предназначается передаваемый объект?

Такие указания часто маркируются именами собственными, должностью, названием учреждения и т. п.

8. Имеется ли речевое указание на лиц, непосредственно совершающих действия в интересах дающего, а также на лиц, от которых зависит осуществление данных дей-

ствий? Если да, то как характеризуются эти лица, имеется ли речевое указание на род их деятельности, место работы, функции, которые они выполняют в связи с осуществлением должностных обязанностей?

Поскольку субъектом получения взятки может быть только должностное лицо – то есть лицо, выполняющее организационно-распорядительные и административные функции, выявление в тексте диалога указаний на род деятельности и т.п. позволяет облегчить процедуру идентификации данного субъекта.

9. Имеется ли речевое указание на лиц, в интересах которых совершаются данные действия?

10. Каковы обстоятельства передачи материальных объектов (место, время, способ)?

11. Имеются ли в разговоре высказывания, выражающие намерение одного из собеседников передать объект другому собеседнику? Если да, то какова речевая реакция собеседника на данные высказывания?

12. Имеются ли в разговоре высказывания, выражающие намерение одного из собеседников совершить (или не совершать) какие-либо действия в интересах кого-либо? Если да, то какова речевая реакция собеседника на данные высказывания?

Одной из ключевых составляющих анализа ситуации взяточничества является вопрос о наличии намерения (то есть о выраженной речевыми средствами готовности) передать материальный объект или право или осуществить действия в интересах дающего в обмен на получение материальных ценностей. Решение вопроса о наличии (отсутствии) выражения в разговоре намерения совершить определенные действия в обмен на получение взятки имеет значение для разграничения провокации взятки (когда один из субъектов не был намерен брать или давать взятку) и получения взятки. Реакция собеседника играет большую роль для выявления лингвистических признаков **поку-**

шения на дачу взятки (если при самой попытке передачи взятки должностное лицо выражает несогласие принять объект – действия взяткодателя квалифицируются как покушение на дачу взятки, то есть как попытка, которая не удалась по независящим от лица обстоятельствам).

13. Имеются ли в разговорах высказывания, выражающие побуждение одного из собеседников к совершению каких-либо действий (или к бездействию) в интересах кого-либо? Если да, то кто является субъектом побуждения, кто является объектом побуждения, о каких действиях идёт речь, какой характер волеизъявления имеет место в данном разговоре (требование, просьба, предложение, предостережение, угроза и т. д.), какова речевая реакция собеседника на данные высказывания?

Например, в разговорах имеются высказывания, выражающие побуждение одного из собеседников к совершению действий в интересах другого. Так, в одном из исследований автором статьи отмечено, что субъект чётко обозначает, ЧТО его знакомые предлагают и в обмен на КАКИЕ действия: *«Можно в ответ попросить, поблагодарить за то, чтобы их не вызывали больше»*. Здесь анализируется **намерение** субъекта – готовность отблагодарить в обмен на осуществление действий, направленных на прекращение преследования его знакомых правоохранительными органами. Субъектом побуждения к осуществлению действий в интересах конкретного лица является говорящий (посредник). Объектом побуждения к осуществлению действий в интересах того же лица является должностное лицо.

Поскольку посредник уверен, что его знакомые не нарушали закон, что их вызывают в качестве свидетелей (об этом говорит номинативный аспект речи), он обозначает действие, за которое его знакомые готовы благодарить, а именно **«НЕ ВЫЗЫВАТЬ НА ДОПРОС»**. В обмен предлагается БЛАГО-

ДАРНОСТЬ, причём как возможный вариант (используется модус возможности: *можно в ответ поблагодарить*).

В других разговорах должностное лицо становится субъектом побуждения к наименованию конкретных действий, которых от него ждут посредник и его знакомые: *«Сейчас-то может он что-нибудь сказать? Вот сейчас-то можешь что-нибудь сказать?»* Эти высказывания реализуют требование должностного лица обозначить действия, которые хотят знакомые посредника, чтобы он совершил в обмен на вознаграждение. Категоричность требования смягчается ситуацией риска. Пресуппозиция: Поскольку я (должностное лицо) рискую, я должен знать всё. Однако посредник повторяет уже известное: *«Я про работу ничего не знаю... Единственно, что они просят, – не вызывать. Там ничего нету у них такого, понимаешь? Просто они хотят, чтобы их не дёргали. Единственно это»*. В высказываниях посредника ключевым является слово «дёргать».

Во время ситуации подготовки к передаче и приёму денежного вознаграждения знакомый посредника выразил намерение узнать, с кем договорилось должностное лицо об осуществлении действий в его интересах, а также договориться ещё раз о том, какие именно действия необходимо осуществить (И ещё нас чтобы больше не беспокоили... И забыли там нашу, нас, кто с нами работает. Всё, вы решите этот вопрос). Инициатором побуждения к осуществлению действий в своих интересах является знакомый посредника, объектом побуждения является должностное лицо. Реакция должностного лица – выражение готовности осуществить действия в интересах собеседника. Он даже демонстрирует некоторые действия, которые уже якобы начаты в интересах собеседника (моделирует ситуацию допроса собеседника и советует, как себя вести).

Ситуация взяточничества представляет собой типичную схему, которую могут допол-

нять коммуникативные события **вымогательства взятки** и **провокации взятки**. Важность детекции лингвистических признаков данных преступлений обусловлена тем, что наличие составов преступлений вымогательства или провокации в процессе взяточничества служит основанием для освобождения от уголовной ответственности одного из субъектов, а наличие признаков вымогательства при получении взятки служит основанием для применения более строгой меры наказания субъекту принятия взятки. Характер волеизъявления, как было замечено ранее, отграничивает состав **вымогательства взятки** от состава **получения взятки**. Побуждение в форме предложения или просьбы свидетельствует о наличии признаков простого состава получения взятки. В ситуациях выражения побуждения в форме требования, которое сопряжено с угрозой (то есть в ситуациях, когда исполнение действия, к которому побуждают, не зависит от желания побуждаемого лица), можно вести речь о вымогательстве взятки. Побуждение в форме встречного предложения с выдвиганием условий свидетельствует о выгодном взаимодействии собеседников, что исключает возможность вменения признака «вымогательство взятки» (ч. 4 ст. 290 УК РФ). Так, в вышеназванном разговоре **волеизъявление** посредника в первой встрече с должностным лицом можно обозначить как **просьбу**. Он не считает своих друзей преступниками, нарушившими закон (*у них нет проблем, они не фигуранты*). Вопрос должностного лица: «А что за *благодарность?*» – свидетельствует о том, что до этого разговора никакой предварительной договорённости у коммуникантов о передаче денег (взятки) не было, а значит, не было и умысла, т. к. должностное лицо даже не знало, о какой благодарности идёт речь. Должностное лицо своими речевыми действиями демонстрирует следующее **намерение** – готовность осуществить действия в обмен на получение денег (благодарности). Об этом

свидетельствует тот факт, что именно после обозначения посредником благодарности как «бумаги», он говорит: «...*вас, например, устроит такой вариант, если мы, например, позволим дело, да? Следователя поменяем на более мягкого, да? На того, который будет меньше активность проявлять. Устроит такой вариант вас?*» Такое намерение следует квалифицировать как **подстрекательство** к даче взятки.

ПОДСТРЕКАТЬ – это побуждать к вредным, опасным своими последствиями или неблагоприятным, преступным действиям. За действием «подстрекать» стоят следующие пропозиции (структуры знаний):

1. Субъект 1 (в данном случае должностное лицо) хочет склонить другой субъект 2 (в данном случае посредника и его знакомых) к даче взятки.

2. Субъект 1 моделирует ситуацию готовности оказать услугу субъекту 2 за вознаграждение.

3. Субъект 2 нуждается в услугах субъекта 1.

4. Субъект 2 готов заплатить за услуги субъекта 1.

Обозначая конкретные действия, которые могут осуществить он и те, у кого есть такие полномочия, должностное лицо фактически обозначает свои намерения, провоцируя своего собеседника согласиться с ним: «*Устроит такой вариант вас?*» Однако посредник не обозначает названные действия как желаемые в обмен на благодарность («бумагу»). Он передаёт намерение своих друзей только как готовность отдать деньги в обмен на спокойствие: «*Они говорят, бумагу хотят отдать, бумагу готовы отдавать, чтоб их больше никто не трогал. Это уже вам решать*». Т. е. посредник предоставляет выбор способа решения проблемы должностному лицу, ни о каких конкретных действиях (законных или противоправных) речи не идёт. Конкретные действия предлагает только должностное лицо.

В разговоре при первой встрече должно-

стное лицо произносит фразу, которая является речевым жанром побуждения, реализующимся в форме требования: *«Договориться надо конкретно, да, что делаем мы, и какая обратная реакция идёт от вас, чтоб потом не было всех этих движений и непонимания»*. Форма **требования** маркируется инфинитивом (актуализирует категоричность) и модальным словом категории состояния «надо». Это требование тоже маркирует **намерение** должностного лица – готовность осуществить действия (*что делаем мы*) в обмен на получение взятки (какая обратная реакция идёт от вас). Такое намерение свидетельствует о явной **провокации** к даче взятки.

О готовности совершить действия свидетельствуют и следующие высказывания должностного лица: *«Потому что определённая работа будет проделана, она тяжёлая, достаточно сложная. Дело прекратить не получится уголовное»*. Высказывания прогнозируют ситуацию совершения противоправных действий для решения проблемы, обозначенной посредником. Эту прогнозируемую ситуацию можно назвать и образно – «набить цену». Должностное лицо фактически говорит о будущих усилиях, которые будут затрачены на решение проблемы (*работа тяжёлая, достаточно сложная*).

В разговоре с посредником должностное лицо акцентирует внимание на вознаграждении: «Ну, смотри, такой ещё момент. Вот ты говоришь про благодарность, да? Ты учи- тываешь, что я не один? Ты это понимаешь, да?» Данные высказывания инициирует повышение вознаграждения. Пресуппозицией является то, что благодарность воспринимается как нечто вполне законное. Размер благодарности должен соответствовать количеству людей, участвующих в осуществлении действий в обмен на благодарность. Такое речевое поведение должностного лица следует рассматривать как **вымогательство увеличения** суммы ожидаемого вознаграждения.

14. Имела ли место провокация передачи денег? Если да, то каковы её признаки?

Например, обозначая конкретные действия, которые могут осуществить он и те, у кого есть такие полномочия, должностное лицо фактически актуализирует свои намерения, **провоцируя** своего собеседника согласиться с ним: *«Устроит такой вариант вас?»* Таким образом, должностное лицо ясно показывает собеседнику, что готово совершить действия в его интересах, но только в обмен на вознаграждение. В форме требования должностное лицо прямо говорит о своей заинтересованности в вознаграждении: *«Договориться надо конкретно, да, что делаем мы, и какая обратная реакция идёт от вас, чтоб потом не было всех этих движений и непонимания»*.

Признаки провокации:

- должностное лицо допустило инициативу в части готовности получить вознаграждение в обмен на осуществление действий;
- должностное лицо использовало такие речевые сценарии, как вымогательство, подстрекательство, побуждение;
- умысел на передачу денежного вознаграждения у посредника и его знакомого сформировался под воздействием должностного лица (поскольку предварительной договорённости о передаче вознаграждения в обмен на осуществление действий не было);
- должностное лицо не просто обозначило свою готовность осуществить действия в интересах посредника в обмен на незаконное вознаграждение, оно ещё и совершало активные действия для искусственного создания ситуации передачи и получения денежного вознаграждения (вёл переговоры, договаривался о месте, времени, условиях, вымогал, подстрекал, демонстрировал осведомлённость, воздействовал на собеседников, оповещал о положении дел, ставил условия, предупреждал, побуждал, создавал ситуацию выбора и т.п.);

– в момент предварительной договорённости о передаче и получении взятки инициатива шла от должностного лица;

– коммуникативную роль должностного лица следует обозначить как **подстрекатель** (он проявил заинтересованность в благодарности, он инициировал увеличение суммы взятки, он инициировал передачу взятки ДО осуществления действий в интересах посредника, он склонил собеседников к передаче взятки и сформулировал действия, которые должны были бы осуществиться в интересах собеседников, он убедил собе-

седников встретиться с начальником следователя для передачи ему взятки в обмен на осуществление действий в их интересах). Если лингвист-эксперт докажет наличие провокации дачи взятки, то взяткодатель освобождается от уголовной ответственности.

Таким образом, в процессе осуществления диагностики получения и дачи взятки специальные лингвистические познания просто необходимы, а лингвистическая экспертиза становится важнейшим способом добывания доказательной базы.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Брагина, А. Г. О производстве лингвистических экспертиз при расследовании преступлений коррупционной направленности / А. Г. Брагина, Н. Ю. Мамаев, П. А. Манянин // Вестник МВД России. – 2011. – № 3. – С. 8–13.
3. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики : монография. – Омск, 2011.
4. Усачёва, О. Ю. Анализ дискурса диалогической коммуникации в Интернете / О. Ю. Усачева. – М. : Издательство МГОУ, 2011. – 370 с.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Tekst] [Language and the Human World]. 2nd edition revised. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury publ., 1999, 896 p.
2. Bragina A. G., Mamaev N. Yu., Manyanin P. A. O proizvodstve lingvisticheskikh ekspertiz pri rassledovanii prestupleniy korrupsionnoy napravlenosti [Linguistic Expertise in the Investigation of Criminal Acts Involving Corruption]. Vestnik MVD Rossii [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2011, no. 3, pp. 8-13.
3. Issers, O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya. Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki [Discursive Practice: to the Definition of the Notion. Modern Speech Communication: New Discursive Practices]. Omsk, 2011.
4. Usacheva, O. Yu. Analiz diskursa dialogicheskoy kommunikatsii v Internetе [Analysis of the Discourse of Dialogic Communication in the Internet]. Moscow, MGOU publ., 2011. 370 p.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 2003.

2. Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. О производстве лингвистических экспертиз при расследовании преступлений коррупционной направленности // Вестник МВД России. 2011. № 3. С. 8–13.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

4. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики : монография. Омск, 2011.

5. Усачёва О. Ю. Анализ дискурса диалогической коммуникации в Интернете. М. : Издательство МГОУ, 2011. 370 с.

СПАСЕННИКОВ Б. А., профессор
кафедры уголовного права,
доктор юридических наук, профессор

Институт управления

КУДРЯШОВ О. В., заместитель
начальника НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Автором представлено доктринальное толкование статьи 321 Уголовного кодекса РФ. Показав, что к 14 годам жизни формируется устойчивая способность к осознанно-волевой регуляции поведения, формируется волевой контроль, связанный со способностью субъекта осознавать причину и цель действий, интеллектуальный потенциал субъекта в этом возрасте позволяет воспринимать, осмысливать информацию, необходимую для осознанных действий, автор предлагает установить уголовную ответственность за преступление, предусмотренное статьей 321 УК РФ, с 14 лет.

The article presents the doctrinal interpretation of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that the ability to form strong-willed conscious control of behavior appears by 14 years old. Intellectual potential of the person at this age allows to perceive, interpret the information necessary for informed actions. The author recommends to criminalize the crimes provided by Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation from the age of 14.

- **Ключевые слова:** уголовное право, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, возраст уголовной ответственности
- **Keywords:** criminal law, the disorganization of the institutions work providing isolation from the society, the age of criminal responsibility

Согласно статье 321 УК РФ: «1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении сотрудника места лишения свобо-

ды или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет» [1].

При исполнении должностными лицами своих служебных обязанностей они обеспе-

чиваются усиленной защитой, в том числе и привлечением лиц, препятствующих такой деятельности, к уголовной ответственности. Статья 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» включена в главу 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ (здесь и ниже говорится о нормах Уголовного кодекса Российской Федерации). Она логично представлена после ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов», ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ст. 319 «Оскорбление представителя власти» [2; 3; 4].

Диспозиция статьи – бланкетная.

Статья 321 в части применения физического или психического насилия к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей или его близким является специальной по отношению к сходной норме, содержащейся в ст. 318. Поэтому в случае конкуренции норм ответственность должна наступать по ст. 321, как наиболее полно описывающей соответствующее преступление [5; 6; 7; 8; 9].

К учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, относятся места лишения свободы и места содержания под стражей.

Согласно статье 56 «Лишение свободы на определенный срок» лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Следовательно, под местами лишения свободы в отечественном уголовном праве понимаются колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония общего, строгого или особого режима либо тюрьма, а также следственные изоляторы, в отношении осужденных, оставленных для вы-

полнения работ по хозяйственному обслуживанию [10; 11; 12].

К местам содержания под стражей относятся следственные изоляторы ФСИН России, следственные изоляторы ФСБ России, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых погранвойск ФСБ России, а также специальные помещения исправительных учреждений ФСИН России, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Родовой объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие функционирование государственной власти, находящиеся под уголовно-правовой охраной.

Видовой объект преступления – общественные отношения, складывающиеся между органами управления и гражданами, по поводу осуществления первыми распорядительных, административных функций и подчиненности, обязанности исполнения вторыми, находящиеся под уголовно-правовой охраной. Преступные посягательства на порядок управления не только нарушают, дезорганизуют нормальную деятельность органов власти и управления, но и подрывают авторитет власти и ее представителей в глазах населения. Кроме того, такие преступления подчас ставят под угрозу причинения вреда жизни и здоровью представителя власти и его близких, что определяет общественную опасность такого деяния.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность места лишения свободы или места содержания под стражей, находящиеся под уголовно-правовой охраной [13; 14; 15].

Под нормальной деятельностью этих учреждений понимается установленный порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осуж-

денных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение порядка и законности в учреждениях, личную безопасность осужденных и сотрудников [16].

Дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье, находящиеся под уголовно-правовой охраной.

Статья 321 предусматривает, по существу, три самостоятельных состава преступления, которые осуществляются путем осознанно-волевого действия. Объективная сторона, предусмотренная частью первой рассматриваемой статьи, предусматривает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угрозу применения насилия в отношении его. К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относится применение физического насилия, причиняющего легкий вред здоровью, не повлекший утраты трудоспособности, а также побои и иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической и психической боли. Насилие, не опасное для жизни или здоровья осужденного, может быть связано и с ограничением его свободы (удержанием). Оно может повлечь появление поверхностных повреждений в виде кровоподтеков, ссадин, небольших ран, слабого недомогания. Это незначительные, скоро проходящие последствия.

Угроза применения насилия, как правило, выражается в крайних формах устрашения. Угроза должна быть существенной и реальной, когда у осужденного имеются объективные основания опасаться ее осуществления [17].

Место совершения преступления – места лишения свободы или места содержания под стражей.

Насилие в отношении одного осужденного вызывает устрашение иных осужденных,

создает противодействие администрации учреждения по исправлению осужденного, достижению целей наказания, то есть дезорганизует деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел, то есть виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Обязательным признаком субъективной стороны является цель воспрепятствовать исправлению осужденного либо мотив мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Действия виновного направлены на прекращение социально значимой деятельности осужденного либо являются мстью за такую деятельность.

Воспрепятствование исправлению осужденного – это противодействие формированию у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированию правопослушного поведения; противодействие управлению уголовно-исполнительной системой исполнительной ветви государственной власти, поэтому этот состав преступления включен в главу 32 УК.

Под администрацией учреждения или органом уголовно-исполнительной системы следует понимать сотрудников учреждения места лишения свободы или места содержания под стражей, а также сотрудников вышестоящих учреждений соответствующего ведомства. Содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы может заключаться в сообщении о совершенных или готовящихся правонарушениях, участии в самостоятельных организациях осужденных и др.

Потерпевший – осужденный, в отношении которого вступил в силу обвинительный

приговор суда, предусматривающий наказание – лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы. При этом одна из целей наказания – исправление осужденного.

Субъект преступления – осужденный, способный к осознанно-волевому поведению во время совершения деяния, достигший возраста 16 лет. Субъектом преступления может быть вменяемое лицо, содержащееся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигшее возраста 16 лет, если потерпевший – осужденный, отбывающий наказание в следственном изоляторе [18; 19; 20].

На наш взгляд, уголовная ответственность за это преступление должна возникать с 14 лет, так как в этом возрасте осужденные, а также подозреваемые (обвиняемые), находящиеся в местах содержания под стражей, в полной мере осознают цель и мотив своих действий, противоправность и наказуемость такого деяния [21; 22; 23].

Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывания угрозы его применения.

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью второй статьи 321, предусматривает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия в отношении сотрудника учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а равно его близких. Преступление может быть совершено как в месте лишения свободы или месте содержания под стражей, так и за их пределами. Необходимый признак объективной стороны такого состава преступления – причинно-следственная связь между совершенным преступлением и служебной деятельностью сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей. Под осуществлением служебной деятельности понимаются любые правомерные действия потерпевшего, которые входили в круг его слу-

жебных обязанностей в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества.

Потерпевший – сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близкие.

При совершении преступления против работника или служащего места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких преступление квалифицируется согласно нормам главы 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Сотрудник места лишения свободы – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Сотрудник места содержания под стражей – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы или внутренних дел либо военнослужащий ФСБ или погранвойск ФСБ России.

К близким лицам относятся родственники, а также иные лица, жизнь, здоровье, благополучие которых дороги сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей в силу родственных или иных личных отношений.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел. Обязательным признаком субъективной стороны является цель воспрепятствовать служебной деятельности потерпевшего или мотив мести за такую деятельность.

Субъект преступления общий. Чаще это осужденный или лицо, содержащееся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигшее возраста 16 лет, вменяемое. Насилие в отношении близких сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей по мотивам, предусмотренным статьей 321, может совершить любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В последнем случае место преступления находится вне учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

На наш взгляд, уголовная ответственность также должна возникать с 14 лет, так как в

этом возрасте противоправность и наказуемость такого деяния заведомо известна и понятна.

Объективная сторона, предусмотренная частью третьей рассматриваемой статьи, предусматривает, по существу, два отдельных состава: 1) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких, совершенное организованной группой; 2) применение насилия, опасного для жизни или здоровья осужденного либо сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких. Место преступления описано выше.

Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, или совершения нескольких преступлений. О признаке ее устойчивости следует говорить, когда группа заранее, заблаговременно образовалась с целью подготовки преступления, преодоления сопротивления к его совершению. Лица, входящие в организованную группу, должны быть соисполнителями дезорганизации деятельности учреждения.

Насилие является опасным для жизни или здоровья в тех случаях, когда оно сопряжено с реальным причинением легкого, среднего или тяжелого вреда здоровью либо когда насилие не повлекло причинение вреда здоровью потерпевшего, но ставило его жизнь или здоровье под угрозу опасности причинения такого вреда. Результат такого насилия – дезорганизация нормальной работы учреждения.

Прямой умысел определяет субъективную сторону такого преступления. Цель и мотив преступления описаны выше.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего

возраста. Однако, при всём разнообразии темпов и характера интеллектуального развития несовершеннолетних, к 14 годам жизни формируется устойчивая способность к осознанно-волевой регуляции поведения; интеллектуальный потенциал субъекта в этом возрасте позволяет воспринимать, осмысливать информацию, необходимую для осознанных действий; формируется волевой контроль (например, способность сдерживать проявления агрессии по отношению к другому осужденному или сотруднику учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), который связан со способностью субъекта осознавать и оценивать цель и мотив своих действий, что определяет возможность и необходимость снижения возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 321. Чем более высокий уровень ответственности предъявляют общество и государство к несовершеннолетнему, тем большую ответственность он демонстрирует своим поведением. Правильно сформировавшееся в несовершеннолетнем возрасте чувство ответственности за свои действия сохраняется практически до конца жизни.

Преступления, предусмотренные статьей 321, относятся к числу формальных составов преступления. Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывания угрозы его применения.

Санкция статьи включает только лишение свободы на определенный срок, что обоснованно.

Итак, если несовершеннолетний осознает цель и мотив совершения преступления, то уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 321 УК РФ, должна возникать с 14 лет, так как в этом возрасте противоправность и наказуемость дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заведомо известна и понятна.

1. Белоус В. Г., Мартынов Е. А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учеб. пособие. Архангельск, 2013.
2. Белоус В. Г., Голодов П. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
3. Белоус В. Г., Дивитаева О. А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 13-18.
4. Болбат Н. А., Швырев Б. А., Кудряшов О. В. Об эффекте Даннинга-Крюгера у осужденных к лишению свободы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20). С. 15-17.
5. Белоус В. Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 109.
6. Выдрин И. В., Швырев Б. А., Кудряшов О. В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3 (19). С. 78-81.
7. Голодов П. В., Швырев Б. А., Кудряшов О. В. Уголовно-исполнительное законодательство: проблемы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 57-66.
8. Дзампаев З. Ю. Общая характеристика отечественного законодательства по противодействию экстремистской деятельности // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 46-49.
9. Дзампаев З. Ю., Швырев Б. А., Кудряшов О. В. Общая характеристика отечественного законодательства по противодействию экстремистской деятельности // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 23-26.
10. Дзампаев З. Ю., Швырев Б. А., Кудряшов О. В., Цатуров А. В. Террористический акт (комментарий статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 32-37.
11. Дивитаева О. А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
12. Костик Е. В. Обстоятельства, отягчающие наказание // Вестник международного института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 66-72.
13. Костик Е. В. Понятие и цели наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 56-58.
14. Костик Е. В. Продолжительность сроков лишения свободы в России: проблемы исполнения и перспективы развития // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 50-53.
15. Кудряшов О. В. Проблемы освобождения от наказания в связи с психическим расстройством / Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 25-27.
16. Швырев Б. А. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 59-62.
17. Кудряшов О. В., Дивитаева О. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник международного института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 29-32.
18. Белоус В. Г., Дивитаева О. А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 11-16.
19. Бычкова А. М. Региональная динамика состояния общественно-опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1. С. 53-61.
20. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» д-ра юрид. наук, д-ра мед. наук, проф. Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
21. Рачкова А. М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2004.
22. Дивитаева О. А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
23. Рачкова А.М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук / Иркутск, 2004.

References

1. Belous V. G., Martynov E. A. Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii: etapy ego sovershenstvovaniya (1996-2013 gg.) [Criminal Code of the Russian Federation: Steps to Improve (1996-2013)]. Arkhangelsk, 2013.
2. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Aktualnye problemy yuridicheskoy psikhologii [Topical Issues of Juridical Psychology]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 26-32.
3. Belous V. G., Divitaeva O. A. Stanovlenie nauchnoy shkoly uголовnogo prava NOU VPO "Institut Upravleniya" [Development of the Scientific Criminal Law School at the Institute of Management] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 1 (17), pp. 13-18.
4. Bolbat N. A., Shvyrev B. A., Kudryashov O. V. Ob effekte Danninga-Kryugera u osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Danning-Kruger Effect among Convicts to Imprisonment] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 4 (20), pp. 15-17.
5. Belous V. G. Kriticheskiy analiz nauchnykh publikatsiy, posvyashchennykh probleme nevmenyaemosti [Critical Analysis of Scientific Publications on the Issue of Insanity] Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2013, no. 5-6, pp. 109.
6. Vydrin I. V., Shvyrev B. A., Kudryashov O. V. Problema dekriminalizatsii poboev [The Issue of Beating Decriminalization] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 3 (19), pp. 78-81.
7. Golodov P. V., Shvyrev B. A., Kudryashov O. V. Uголовно-исполнител'noe zakonodatel'stvo: problemy sovershenstvovaniya [Criminal Executive Legislation: Issues to Improve] Vestnik Kuzbasskogo instituta [Herald of the Kuzbass Insitute]. 2015, no. 3 (24), pp. 57-66.
8. Dzampaev Z. Yu. Obshchaya kharakteristika otechestvennogo zakonodatel'stva po protivodeystviyu ekstremistskoy deyatel'nosti [General Characteristics of the Russian Legislation on Counteraction of Extremist Activity]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 5-6 (129-130), pp. 46-49.
9. Dzampaev Z. Yu., Shvyrev B. A., Kudryashov O. V. Obshchaya kharakteristika otechestvennogo zakonodatel'stva po protivodeystviyu ekstremistskoy deyatel'nosti [General Characteristics of the Russian Legislation on Counteraction of Extremist Activity] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 2 (18), pp. 23-26.
10. Dzampaev Z. Yu., Shvyrev B. A., Kudryashov O. V., Tsaturov A. V. Terroristicheskiy akt (kommentariy stat'i 205 Uголовnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Terrorist Act (Commentary of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation)] Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 3-4 (133-134), pp 32-37.
11. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole uголовnogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Criminal Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 57-62.
12. Kostik E. V. Obstoyatel'stva, otyagchayushchie nakazanie [Circumstances Aggravating Punishment]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 66-72.
13. Kostik E. V. Ponyatie i tseli nakazaniya [Notion and Objectives of Punishment]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 3-4 (127-128), pp. 56-58.
14. Kostik E. V. Prodolzhitel'nost' srokov lisheniya svobody v Rossii: problemy ispolneniya i perspektivy razvitiya [Duration of Imprisonment in Russia: Problems of Execution and Development Prospects]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 5-6 (129-130), pp. 50-53.
15. Kudryashov O. V. Problemy osvobozhdeniya ot nakazaniya v svyazi s psikhicheskim rasstroystvom [Issues of Release from Punishment Due to Mntal Disorders]. Uголовно-исполнител'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal-Executory System: Law, Economy, Management]. 2015, no. 6, pp. 25-27.
16. Shvyrev B. A. Obshchie nachala naznacheniya nakazaniya v uголовnom prave Rossii [General Principles of Imprisonment in the Russian Criminal Law] Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 3-4 (127-128), pp. 59-62.
17. Kudryashov O. V., Divitaeva O. A. Psikhologicheskaya pomoshch' kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh [Psychological Aid as Corrective Measures for Convicted Persons] Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [Psychological Aid as Corrective Measures for Convicted Persons]. 2016, no. 1-2 (137-138), pp. 29-32.

18. Belous V. G., Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole meditsinskogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Medical Law at the Institute of Management] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way of the Civil Society]. 2015. № 2 (18), pp. 11-16.

19. Bychkova A. M. Regional'naya dinamika sostoyaniya obshchestvenno-opasnogo povedeniya lits, ne dostigshikh vozrasta ugovnoy otvetstvennosti [Regional Dynamics of Socially Dangerous Behavior of Persons Who are Under the Age of Criminal Responsibility] Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2012, no. 1, pp. 53-61.

20. Bychkova A. M. Retsenziya na rabotu "Psihicheskie rasstroystva i ih ugovno-pravovoe, kriminologicheskoe, ugovno-ispolnitel'noe znachenie (istoriya, teoriya, ugovno-pravovoe regulirovanie, praktika)" d-ra jurid. nauk, d-ra med. nauk, prof. B. A. Spasennikova [Review of the Paper of B. A. Spasennikov, PhD in Law, MD, Professor "Mental Disorder and Its Criminal, Criminological, Penal Meaning (History, Theory, Criminal Regulation, Practice)"] Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2012, no. 5-6 (33-34), pp. 149-150.

21. Rachkova A. M. Kriminologicheskaya kharakteristika obshchestvenno opasnogo povedeniya maloletnikh i ego preduprezhdenie: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [Criminological Characterisrics of Socially Dangerous Behavior of Teenagers and Its Prevention: Candidate's Thesis] Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava [Baikal State University of Economics and Law]. Irkutsk, 2004.

22. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole meditsinskogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Medical Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 3-4 (133-134), pp. 61-66.

СПАСЕННИКОВ Б. А., профессор
кафедры уголовного права,
доктор юридических наук, профессор

Институт управления

НАЛБАНДЯН Р. Г., старший научный сотрудник
НИИ ФСИН России

К ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КАК ФАКТОРУ, ВЛИЯЮЩЕМУ НА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Статья посвящена проблеме оценки качества выполняемых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы задач. Отмечая недостатки существующей системы оценки, авторы приходят к выводу о необходимости концептуального пересмотра ее критериев. По их мнению, в основе новой системы оценки качества должны лежать не статистические показатели, а другие, научно обоснованные, критерии. Кроме того, в статье рассматривается влияние действующей системы оценки на эффективность работы оперативных подразделений.

The article is devoted to the issue of task evaluation performed by the operative units of the correctional system. Noting the shortcomings of the existing evaluation system, the authors conclude that the conceptual review of its criteria should be done. In addition, the article examines the impact of the current system of evaluation on the work of the operative units.

- **Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, эффективность деятельности, система оценки деятельности, критерии оценки
- **Keywords:** criminal executive system, operating efficiency, performance evaluation system, evaluation criteria

Происходящие в последние годы в России политические процессы, социально-экономические преобразования, незаконная миграция, обострение радикальных настроений, основанных на религиозной, национальной почве, увеличение незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и другие обстоятельства, к сожалению, создают благоприятную почву для роста преступности в нашей стране. Для

успешной борьбы с ней правоохранительными органами предпринимаются различные меры организационного и правового характера: реформируются организационные структуры правоохранительных органов, создаются новые подразделения, совершенствуется нормативно-правовое регулирование правоохранительной деятельности, внедряются в практику новые научно-технические разработки, что в сово-

купности позволяет активно противостоять современным угрозам безопасности страны [1, с. 57-60].

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС), ввиду специфики выполняемых задач, особым образом подвержена влиянию указанных негативных факторов, которые в совокупности можно отнести к внешним. Вместе с тем, существует и ряд внутренних факторов, негативным образом влияющих на криминогенную обстановку в учреждениях УИС. По нашему мнению, к таким факторам можно отнести ныне существующую систему оценки деятельности оперативных подразделений УИС, которая, на наш взгляд, может быть признана устаревшей.

Несмотря на комплексное реформирование УИС, проблема оценки качества выполняемых оперативными подразделениями задач, рационального использования полномочий и возможностей, предоставленных им государством, остается актуальной. Система оценки эффективности оперативно-служебной деятельности по критериям роста или снижения количества регистрируемых преступлений, их раскрываемости и недопущения может быть оценена как порочная. Оценочные категории, например, «допущен рост», «достигнуто снижение» уже давно морально устарели и перестали отвечать современным требованиям [2, с. 33].

Объективная оценка результатов деятельности оперативных подразделений УИС необходима для проведения анализа качества выполнения задач, поставленных перед ними, выявления «узких мест», принятия адекватных управленческих решений, направленных на оптимизацию их организационной и практической деятельности, выявления, обобщения и распространения передового опыта работы оперативных подразделений, добившихся лучших результатов, а также поиска новых прогрессивных способов борьбы с преступностью. Вместе с тем определение качества решения задач, сто-

ящих перед оперативными подразделениями УИС, невозможно без разработки научно обоснованных критериев оценки эффективности их деятельности.

Основным недостатком существующих критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС является фактическое подчинение практической деятельности этих подразделений статистическим показателям. Складывается парадоксальная ситуация, когда подразделения в повседневной деятельности направляют свои усилия в основном не на решение задач, вызванных оперативной обстановкой, а на формирование определенного количества показателей, улучшающих результаты статистической отчетности.

В таких условиях руководитель подразделения при принятии управленческих решений вынужден ориентироваться не на сложившуюся оперативную обстановку, а на отчетные показатели, направляя потенциал подчиненного ему аппарата в первую очередь на удовлетворение потребностей так называемой палочной системы.

Изучение ведомственных отчетов по основным направлениям деятельности оперативных подразделений УИС показывает, что многие количественные показатели не отражают реального состояния противодействия преступности в учреждениях УИС, а носят в основном формальный характер.

Подобная практика приводит к тому, что результаты работы одного оперативного сотрудника, например, следственного изолятора, по раскрытию преступлений в несколько раз превосходят аналогичные результаты оперуполномоченного отдела внутренних дел. Подобная ситуация наблюдается и по другим показателям работы оперативных подразделений УИС.

Между тем процесс формирования количественных показателей, их наращивание по сравнению с аналогичным показателем прошлого года (АППГ), требуют от сотрудников

оперативных подразделений определенных ресурсов, в первую очередь временных. При этом необходимо отметить, что данная функция, на наш взгляд, имеет приоритетное значение в рабочем распорядке сотрудников указанных подразделений и занимает значительную часть их рабочего времени. Учитывая низкую эффективность результатов мероприятий, проведенных лишь для формирования статистической единицы, полагаем возможным признать подобный путь развития ОРД в УИС экстенсивным, а негативное воздействие количественных показателей – фактором, отрицательно влияющим на деятельность оперативных подразделений УИС.

По нашему мнению, функция статистических показателей должна ограничиваться лишь объективным отражением того объема работы, который был проделан тем или иным оперативным подразделением за определенный промежуток времени.

Наряду с этим в статистических отчетах в качестве критериев оценки деятельности оперативных подразделений территориальных органов и учреждений УИС определены такие показатели, как наличие или отсутствие организационно-правовых документов (положения об оперативных подразделениях территориальных органов ФСИН России, должностные инструкции, планы работы), документов по организации взаимодействия с правоохранительными органами (проводятся координационные совещания с представителями правоохранительных органов, имеются протоколы совещаний и совместные планы работы и т. п.), которые по своей природе не могут являться оценочными показателями [3].

Оценка эффективности деятельности оперативных подразделений по количеству выявленных дисциплинарных проступков также вызывает сомнение, поскольку, на наш взгляд, деятельность этих подразделений должна быть направлена исклю-

чительно на противодействие преступности.

Разработка научно обоснованных критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС представляет собой сложную проблему, решение которой требует системного, комплексного подхода.

Формализация критериев оценки, их перевод в количественную плоскость действительно необходимы для понимания того объема работ, который выполнен конкретным оперативным подразделением. Сложность заключается в том, что подобная система оценок не способна отразить качество их выполнения. В современных условиях, когда вектор управленческой деятельности направлен на повышение количественного результата работы оперативного подразделения, вопросы его качества не являются приоритетными для руководителей этих подразделений.

Оценка любого вида деятельности представляет собой процесс определения степени реализации поставленных задач, то есть насколько качественно выполнены те или иные задачи, поставленные перед подразделением. Таким образом, можно предположить, что для определения критериев оценки оперативных подразделений УИС прежде всего необходимо уточнить, в том числе и на законодательном уровне, задачи, стоящие перед ними, организовать их деятельность на принципах научного управления и по мере решения поставленных задач давать оценку деятельности подразделения. При этом необходимо учитывать, что задачи на каждом уровне управления разные, а значит, критерии оценки их деятельности также должны быть разными, в зависимости от уровня управления (ФСИН России, территориальный орган, учреждение) и объекта управления.

В заключение отметим, что система критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС по своей сути является

одной из функций управленческой деятельности и должна способствовать повышению эффективности их деятельности, а также достижению целей, поставленных перед ними. Вместе с тем, рассмотренные вопросы традиционно актуальны не только для УИС, но и для других органов, осуществляющих ОРД (ОВД, ФСКН и др.). В связи с этим, по нашему мнению, необходимо концептуально пересмотреть существующую систему оценки деятельности оперативных под-

разделений УИС, разработать построенную на научных основах новую систему оценки, экспериментально внедрить ее в учреждениях одного отдельно взятого территориального органа, всесторонне проанализировать складывающуюся в новых условиях оперативную обстановку и состояние преступности. В случае признания новой системы более результативной, необходимо распространить передовой опыт в других регионах России.

1. Налбадян Р. Г. О некоторых организационно-правовых проблемах внедрения прогрессивных способов охраны учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4. С. 57-60.

2. Исиченко А. П., Егорова Е. В., Фумм А. М. Оперативно-розыскная криминология: пенитенциарный аспект. М., 2011. С. 33.

3. Об установлении оценки деятельности территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний при инспектировании : приказ ФСИН России от 14 июня 2012 года № 325 // Архив ФСИН России, 2012.

References

1. Nalbadyan R. G. O nekotorykh organizatsionno-pravovykh problemakh vnedreniya progressivnykh sposobov okhrany uchrezhdeniy ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [Some Legal Issues of the Implementation of Advanced Security Methods at Correctional Institutions]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and Punishment]. 2010, no.4, pp. 57-60.

2. Isichenko A. P., Egorova E. V., Fumm A. M. Operativno-rozysknaya kriminologiya: penitentsiarnyy aspect [Operative-Search Criminology: Penitentiary Aspect]. Moscow, 2011. p. 33.

3. Ob ustanovlenii otsenki deyatel'nosti territorial'nykh organov Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy pri inspektirovaniyakh : prikaz FSIN Rossii ot 14 iyunya 2012 goda № 325 [Order of the Federal Penal Correction Service "On Establishment of the Performance Evaluation of the Territorial Bodies of the Federal Penal Correction Service at Inspections" of June 14, 2012 No. 325 Arkhiv FSIN Rossii [Archive of FPCS of Russia]. 2012.

УДК 343+616.89

ХЛОПИНА Е. С., юристАдминистрации Архангельской области,
соискатель степени магистра права

Институт управления

МИРОНОВ А. В., старший преподаватель,
кандидат юридических наук, доцент,

Вологодский институт ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

В статье рассмотрены вопросы освобождения от наказания, связанного с лишением свободы. Показано, что действующее законодательство не соответствует судебной и пенитенциарной практике.

The paper deals with release from punishment related to deprivation of liberty. It is shown that the current legislation does not comply with the judicial and penal practice.

- Ключевые слова:** психическое расстройство, осужденный, освобождение от наказания
- Keywords: **mental disorder, convict, release from punishment**

В советский период норма об освобождении от наказания в связи с психическим расстройством имела место не в материальном, а в процессуальном законе (ст. 362 УПК РСФСР 1960 г.). Только три союзные республики (Латвийская ССР, Литовская ССР и Эстонская ССР) вводили эту норму в республиканские уголовные законы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Статья 81 УК РФ озаглавлена «Освобождение от наказания в связи с болезнью» [8]. Содержание этой статьи «шире ее названия». Она предусматривает не только освобождение от наказания по болезни, но и замену одного наказания другим, на основании заболевания лица, совершившего преступление. Статья 81 УК РФ различает два вида заболеваний: психическое расстройство (ч. 1) и иную тяжелую болезнь,

препятствующую отбыванию наказания (ч. 2). Однако главы 5 и 15 УК РФ не упоминают о психическом заболевании, они указывают только на хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики. Законодатель последовательно использует одно понятие («болезнь») в названии ст. 81 УК, а в тексте ч. 1 этой статьи – другое понятие, более широкое («психическое расстройство») [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Ю. М. Ткачевский считает, что упоминаемые в законе психические расстройства чаще являются хроническими, но могут быть и временными, что спорно. Трудно согласиться с введением в этот перечень временных психических расстройств. При этом автор необоснованно игнорирует слабоумие,

которое не является хроническим расстройством психики, исходя из содержания ст. 21 УК РФ [17; 18; 19; 20].

В ч. 1 ст. 81 УК РФ указывается, что лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его способности к осознанно волевой регуляции поведения, освобождается от наказания. Нам представляется, что такая формулировка требует обсуждения по двум обстоятельствам. Потеря способности осознать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в большинстве случаев скоропреходящая (дни-недели-месяцы), особенно на фоне проводимого лечения. В этой ситуации освобождение от наказания и назначение принудительных мер медицинского характера сомнительно, ибо психическое расстройство наступило у лица, обладавшего способностью осознать фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими во время совершения преступления. Это лицо нуждается в лечении в психиатрическом стационаре, до восстановления способности к осознанно волевой регуляции поведения в соответствии с действующим законодательством о медицинской помощи.

Если в отношении лиц, признанных невменяемыми, принудительное лечение осуществляется вплоть до излечения, улучшения состояния или исчезновения обусловленной психическим расстройством возможности «причинения существенного вреда либо опасности для себя или других лиц», то в отношении лиц, у которых психическое расстройство возникло после совершения преступления, юридически значимым критерием достижения лечебного эффекта служит восстановление способности к осознанно волевой регуляции поведения, ибо именно эти качества необходимы для участия в производстве по делу, а также для понимания смысла назначенного наказания. После

этого лицо может отбывать наказание. Опасность же этого лица, обусловленная не психическим расстройством, а асоциальными наклонностями, может быть пресечена средствами уголовно-правового порядка [21; 22; 23; 24; 25].

Комментарии к ст. 81 УК, на наш взгляд, изобилуют неточностями. Например, в одном из комментариев говорится, что «если лицо заболело психическим расстройством после совершения преступления, то ... применять к нему наказание нельзя ...». В другом руководстве указывается на «невозможность исправления таких лиц из-за утраты способности осознать характер и общественную опасность своих действий или способности руководить ими, вследствие чего они не в состоянии воспринимать принудительного характера и исправительно-воспитательного смысла применяемых к ним мер государственного принуждения» [26, с. 17-22; 27, с. 252-256; 28, с. 119-122].

По данным проф. Б. А. Спасенникова, у 86 % лиц, впервые оказавшихся в психотравмирующей ситуации пребывания в исправительном учреждении, возникает психическое расстройство либо обостряется ранее имеющееся. Оно может проявляться в виде диссомнического, аффективного, астенического синдромов и в других, более тяжелых формах. Указанные нарушения относятся к психическим расстройствам [29; 30; 31; 32]. Но подобные психические расстройства не могут являться основанием к освобождению от уголовного наказания после совершения преступления. Иначе говоря, если у лица возникло психическое расстройство после совершения преступления, то это не означает, что «цели наказания не могут быть достигнуты» [33; 34; 35].

У лиц, страдающих хроническим психическим расстройством, например, так называемой «вялотекущей» шизофренией, в исправительном учреждении может наступить обострение этого хронического психическо-

го расстройства (подчас расцениваемое как его дебют), которое требует определённых лечебно-диагностических мероприятий со стороны сотрудников медицинской части исправительного учреждения [36; 37], но не «обязательного освобождения от наказания».

Мы полагаем, что суд вправе, но не обязан освобождать от дальнейшего отбытия наказания. Очевидно, в ч. 1, как и в ч. 2 ст. 81 УК Российской Федерации, должна идти речь о факультативном, а не обязательном признаке. Даже при хроническом психическом расстройстве его проявления динамичны, в силу закономерностей течения психического расстройства могут возникать многолетние «светлые промежутки», которые не препятствуют исполнению наказания.

Одновременно должна быть поставлена задача развития службы пенитенциарных психиатров, целью деятельности которых должно быть выявление лиц с психическими расстройствами среди осуждённых, оказание им квалифицированной помощи в местах лишения свободы, оказание помощи администрации исправительных учреждений в выборе соответствующего режима, годности к труду и др.

Осуждённому в случае возникновения психического расстройства требуется оказать медицинскую (психиатрическую) помощь, которая может быть предоставлена в рамках действующего законодательства, а не вести речь об освобождении от наказания. Ситуация, при которой психическое расстройство делает невозможным исполнение наказания, должна быть очень строго регламентирована в законе.

В Курсе уголовного права приводится практика освобождения от наказания. Из 122 освобожденных от наказания по болезни 82 человека страдали шизофренией, 21 – эпилепсией, 19 – посттравматической энцефалопатией. Опыт Б. А. Спасенникова дает основание говорить о том, что эпилеп-

сия и тем более посттравматическая энцефалопатия вряд ли могут быть основанием для освобождения от наказания. Но, безусловно, лица, страдающие этими психическими расстройствами, должны отбывать наказание в тех исправительных учреждениях, где есть возможности для их лечения [38; 39; 40].

В ст. 81 УК Российской Федерации предусматривается освобождение лица, совершившего преступление, от наказания. Специфика различных видов наказания, от отбывания которых осуществляется освобождение по болезни, указана только в ч. 3 рассматриваемой статьи. В ч. 1 и ч. 2 ст. 81 специфика вида отбываемого осужденным наказания не учитывается. Между тем психическое расстройство, способное дать основание к освобождению от одного вида наказания, может не являться основанием к освобождению в ином случае. То есть не имеется в виду освобождение от любого уголовного наказания. Трудно представить освобождение в связи с психическим расстройством от лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

При освобождении от наказания лица вследствие психического расстройства решающее значение имеет характер этого расстройства, его тяжесть и прогноз. Такое освобождение не связано ни с тяжестью совершенного преступления, ни с какими-либо иными обстоятельствами (срок отбытого им наказания, поведение осужденного, наличие нарушений режима и т. д.).

Итак, с целью совершенствования отечественного уголовного законодательства предлагается следующая формулировка части первой ст. 81 УК Российской Федерации:

1. Лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое рас-

стройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, может быть судом освобождено от уголовного на-

казания, а лицо, отбывающее наказание, может быть судом освобождено от дальнейшего его отбывания. Таким лицам суд может назначить меры медицинского характера.

1. Белоус В. Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
2. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Нервно-психическая патология и преступное поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 665-670.
3. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» д-ра юрид. наук, д-ра мед. наук, проф. Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
4. Дивитаева О. А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
5. Дивитаева О. А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
6. Кожин Г. В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 54-57.
7. Колпакова А. О. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 58-61.
8. Белоус В. Г., Мартынов Е. А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.) : учеб. пособ. Архангельск, 2013.
9. Мишуков С. Е., Годованец О. Г. О наказании виновного, страдающего психическим расстройством, в судебной практике // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 46-52.
10. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
11. Спасенников Б. А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
12. Спасенников Б. А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.
13. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.
14. Спасенников Б. А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210-215.
15. Спасенников Б. А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
16. Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
17. Спасенников Б. А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
18. Спасенников Б. А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15-19.
19. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
20. Спасенников Б. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
21. Спасенников Б. А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40-44.

22. Спасенников Б. А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
23. Спасенников Б. А., Белоус В. Г., Швырев Б. А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.
24. Спасенников Б. А., Вилкова А. В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.
25. Спасенников Б. А., Копыткин С. А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.
26. Спасенников Б. А., Лаверычева С. А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17-22.
27. Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.
28. Спасенников Б. А., Пономарев С. Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.
29. Спасенников Б. А., Смирнов А. М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.
30. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осужденных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28-31.
31. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Преступное поведение и психические расстройства // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 28-31.
32. Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н., Вилкова А. В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.
33. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 198-199.
34. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17-20.
35. Швырев Б. А., Белоус В. Г., Кудряшов О. В. Проблема невменяемости в иностранном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 44-51.
36. Дюкова Г.М., Спасенников Б.А. Синдром Мюнхгаузена в медицинской практике // NovalInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 56. С. 410-417.
37. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и Феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovalInfo. 2016. Т. 1. № 54. С. 314-322.
38. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // Вестник международного Института управления. 2016. № 5-6 (141-142). С. 70-81.
39. Спасенников Б. А., Спасенникова М. Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48-51.
40. Швырев Б. А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.

References

1. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Aktualnye problemy yuridicheskoy psikhologii [Topical Issues of Juridical Psychology]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 26-32.
2. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Nervno-psihicheskaya patologiya i prestupnoe povedenie [Neuropsychiatric Disorders and Criminal Behavior] Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]. 2016. vol. 10, no. 4. pp. 665-670.
3. Bychkova A. M. Retsenziya na rabotu "Psikhicheskie rasstroystva i ih ugovovno-pravovoe, kriminologicheskoe, ugovovno-ispolnitelnoe znachenie (istoriya, teoriya, ugovovno-pravovoe regulirovanie, praktika)" [Review of the paper "Mental Disorders and Their Criminal, Criminological, Penal Meaning (History, Theory, Criminal Regulation, Practice)"] by B.A. Spasennikov, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2012, no. 5-6 (135-136), pp. 63-67.

4. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole ugolovnoogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Criminal Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 3-4 (133-134), pp. 61-66.
5. Divitaeva O. A. O nauchnoy shkole ugolovnoogo prava NOU VPO "Institut upravleniya" [Scientific School of Criminal Law of the Institute of Management]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 1-2 (131-132), pp. 57-62.
6. Kozhin G. V. Osnovaniya primeneniya prinuditelnyh mer meditsinskogo kharaktera (kommentariy stat'i 97 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Grounds for Application of Compulsory Medical Measures (Commentary on Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 54-57.
7. Kolpakova A. O. Prinuditelnye mery meditsinskogo kharaktera, soedinennye s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Medical Measures Coupled with the Enforcement]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 1-2 (125-126), pp. 58-61.
8. Belous V. G., Martynov E. A. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: etapy ego sovershenstvovaniya (1996-2013 gg.) [Criminal Code of the Russian Federation: Steps to Improve (1996-2013)]. Arkhangel'sk, 2013.
9. Mishukov S. E., Godovanets O. G. O nakazanii vinovnogo, stradayushchego psikhicheskimi rasstroystvom, v sudebnoy praktike [On the Punishment of Perpetrators with Mental Disorders in Judicial Practice]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 1-2 (137-138), pp. 46-52.
10. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz nevrastenii u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Neurasthenia Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 4, pp. 31-37.
11. Spasennikov B. A. Kliniko-kriminologicheskii analiz rasstroystv lichnosti u osuzhdennykh [Clinical Criminological Analysis of Personality Disorders Among Convicts]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2014, no. 2, pp. 33-40.
12. Spasennikov B. A. Lechebno-diagnosticheskaya taktika pri rasstroystvakh lichnosti v praktike penitentsiarnoy meditsiny [Curative Diagnostic Tactic Under Personality Disorders in Practice of Penitentiary Medicine]. Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal [Russian Medical Journal]. 2015, vol. 21, no. 6, pp. 33-36.
13. Spasennikov B. A. Mediko-pravovye aspekty nevmenyaemosti v inostrannom zakonodatelstve [Medico-Legal Aspects of Insanity in Foreign Legislation]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 6, pp. 26-31.
14. Spasennikov B. A. Nevrasteniya u osuzhdennykh: kriminologicheskii analiz [Neurasthenia Among Convicts: Criminological Analysis]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]. 2015, no. 3 (104). pp. 210-215.
15. Spasennikov B. A. O znachenii nevrastenii v prestupnom povedenii [Neurasthenia in Criminal Behavior]. Trudnyy patsient [Difficult Patient]. 2015, vol. 13, no. 3, pp. 41-45.
16. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe lechenie psichicheskikh rasstroystv (istoriko-meditsinskiy aspekt) [Compulsory Treatment of Mental Disorders (Historical Aspect)]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 1-2 (53-54), pp. 37-43.
17. Spasennikov B. A. Prinuditelnoe psichiatricheskoe lechenie sociopaticeskikh rasstroystv [Compulsory Psychiatric Treatment of Sociopathic Disorders]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2016, no. 4, pp. 46-50.
18. Spasennikov B. A. Problemy zakonnosti prodleniya, izmeneniya iprekrashcheniya primeneniya prinuditelnyh mer meditsinskogo kharaktera [Issues of Legality of Extension, Changing and Discontinuing of Compulsory Medical Measures]. Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation Bulletin]. 2015, vol. 49, no. 5, pp. 15-19.
19. Spasennikov B. A. Problemy teorii i sudebnoy praktiki, svyazannye s resheniem voprosov nakazaniya lits, stradayushchih psikhicheskimi rasstroystvom [Issues of Theory and Judicial Practice Addressing the Punishment of Persons Who Suffer from Mental Disorders]. Rossiyskiy sud'ya [Russian Judge]. 2014, no. 6, pp. 36-39.
20. Spasennikov B. A. Psikhologicheskaya pomoshch kak sredstvo ispravleniya osuzhdennykh [Psychological Care as Corrective Measures for Convicts]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 2 (30), pp. 70-71.
21. Spasennikov B. A. Ugolovnaya otvetstvennost' i psikhicheskies rasstroystva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal Responsibility and Mental Disorders: Comparative Legal Research] Rossiyskiy sledovatel' [Russian Judge]. 2016, no. 7, pp. 40-44.
22. Spasennikov B.A. Ugolovno-pravovoe znachenie psichicheskikh rasstroystv (Criminal Legal Significance of Mental Disorders). Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2015, no. 2, pp. 49-55.

23. Spasennikov B. A., Belous V. G., Shvyrev B. A. Aktual'nye problemy ugovnogo prava: obzor literatury [Topical Issues of Criminal Law: Literature Review] Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to the Civil Society]. 2015, no. 2 (18), pp. 6-10.
24. Spasennikov B. A., Vil'kova A. V. Rasstroystva lichnosti u ochezdenykh v penitentsiarnoy praktike [Personality Disorders of the Convicts in the Penitentiary Practice]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 1 (29), pp. 49-54.
25. Spasennikov B. A., Kopytkin S. A. O problemakh sudebno-psihiatricheskoy ekspertizy v sudebno-sledstvennoy praktike [On the Problems of the Forensic Psychiatric Examination in Judicial and Investigative Practice] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 3 (35), pp. 13-17.
26. Spasennikov B. A., Laverycheva S. A. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v sledstvennykh izolyatorakh [Socio-Legal Characteristic of Convicts Serving Their Sentence in Detention Centers] Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2016, no. 1 (33), pp. 17-22.
27. Spasennikov B. A., Pertli L. F. Razvitie meditsinskoj pomoshchi v tyuremnoy sisteme Rossii (konets XVIII - nachalo XX veka) [Development of Medical Care in the Russian Prison System (the end of the 18th - beginning of the 20th century)]. Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Issues of Social Hygiene, Medical Care and History of Medicine]. 2016, vol. 24, no. 4, pp. 252-256.
28. Spasennikov B. A., Ponomarev S. B. Problema vmenyaemosti v rossiyskom ugovnom prave XVI-XIX vekov [Issue of Sanity in the Russian Criminal Law]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo [Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Section]. 2016, vol. 26, no. 2, pp. 119-122.
29. Spasennikov B. A., Smirnov A. M. Sotsialno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh muzhchin, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitelnykh koloniyah [Socio-Legal Characteristic of Male Convicts Sentenced to Imprisonment]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2015, no. 9 (377), pp. 120-124.
30. Spasennikov B. A., Smirnov A. M., Tikhomirov A. N. Nevrologicheskiy status osuzhdennykh muzhchin, sostoyashchikh na uchete v ugovno-ispolnitelnoy inspeksii [Neurological Status of Male Convicts Registered in Criminal Executive Inspection]. Meditsinskoe pravo [Medical Law]. 2014, no. 5, pp. 28-31.
31. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Prestupnoe povedenie i psikhicheskie rasstroystva [Criminal Behavior and Mental Disorders]. Aktualnye voprosy obrazovaniya i nauki [Topical Issues of Education and Science]. 2016, no. 5-6 (57-58), pp. 28-31.
32. Spasennikov B. A., Tikhomirov A. N., Vil'kova A. V. Ugolovno-pravovoe znachenie psikhicheskikh rasstroystv [Criminal Legal Meaning of Mental Disorders]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2014, no. 4 (28), pp. 4-8.
33. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Kriminalnoe povedenie i sindrom neterpeniya [Criminal Behavior and Impatience Syndrome]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man : Crime and Punishment]. 2015, no. 3, pp. 198-199.
34. Tikhomirov A. N., Spasennikov B. A. Prinuditelnoe lechenie sotsiopaticeskikh rasstroystv, soedinennoe s ispolneniem nakazaniya [Compulsory Treatment of Sociopathic Disorders Connected With Execution of Punishment]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction]. 2015, no. 3 (31), pp. 17-20.
35. Shvyrev B. A., Belous V. G., Kudryashov O. V. Problema nevmenyaemosti v inostrannom ugovnom zakonodatelstve [Issue of Insanity in Foreign Criminal Legislation]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2015, no. 5-6 (135-136), pp. 44-51.
36. Dyukova G. M., Spasennikov B. A. Sindrom Myunkhgauzena v meditsinskoj praktike [Munchausen Syndrome in Medical Practice]. Novalnfo. 2016. vol. 2, no. 56. pp. 410-417.
37. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. Novalnfo. 2016. vol. 1, no. 54. pp. 314-322.
38. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Meksidol i Fenazepam: 30-letniy opyt eksperimentalnogo i klinicheskogo izucheniya [Mexidol and Phenazepam: 30 Years of Experience of the Experimental and Clinical Studies]. Vestnik mezhdunarodnogo instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2016, no. 5-6 (141-142), pp. 70-81.
39. Spasennikov B. A., Spasennikova M. G. Novaya lekarstvennaya forma fenozepam [Phenazepam New Dosage Form]. Meditsinskaya sestra [Nurse]. 1991, no. 12, pp. 48-51.
40. Shvyrev B. A. Tseli prinuditel'nykh mer meditsinskogo haraktera [Objectives of Compulsory Medical Measures] Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [International Institute of Management Bulletin]. 2014, no. 5-6 (129-130). pp. 54-59.

УДК 331.5

КАЙГОРОДЦЕВ А. А., доктор экономических наук,
профессор

Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

В статье на материалах Восточно-Казахстанской области рассматриваются проблемы функционирования регионального рынка труда в Казахстане. Даны рекомендации по совершенствованию на региональном уровне механизма государственного регулирования сферы труда и занятости.

The article examines the challenges in Kazakhstan regional labour market based on the East-Kazakhstan region. The author gives recommendations to improve state regulation of the labour and employment spheres on the regional level.

□ **Ключевые слова:** рынок труда, безработица, занятость

□ **Keywords:** labour market, unemployment, employment

Рынок труда любого региона имеет определенную специфику территориального, структурного и общего характера, которая требует конкретизации и систематического изучения. Рынок труда тесно связан с демографическими процессами и социально-экономическими проблемами общества. А показатели уровня занятости населения и безработицы являются важнейшими индикаторами социальной безопасности страны и ее регионов. Процесс функционирования рынка труда затрагивает интересы многих людей, а такой дефект данного рынка, как безработица, является существенной угрозой социальной безопасности страны и ее регионов. В связи с этим тема настоящей статьи является актуальной.

Проблемы функционирования, развития и государственного регулирования труда нашла отражение в работах казахстанских и российских ученых, таких как Б. С. Кубаев, Д. Н. Курбышев, С. Р. Саруханов, М. А. Хаматханова и др. Однако, несмотря на большое количество публикаций, вопросы исследования механизма воздействия государства на рынок труда на региональном уровне недостаточно исследованы. В связи с этим особую значимость имеет поиск путей совершенствования инструментария воздействия на уровень и характер занятости населения на региональном уровне управления экономикой.

Целью исследования является анализ состояния, проблем, приоритетов и перспек-

тив развития регионального рынка труда и разработка на этой основе рекомендаций по повышению уровня занятости населения.

Объектом исследования является рынок труда одного из ведущих промышленных и аграрных центров страны – Восточно-Казахстанской области (ВКО).

Рынок труда можно охарактеризовать как систему общественных отношений, которая обеспечивает воспроизводство и эффективное использование товара «рабочая сила» [1].

Понятие «рынок труда» диалектически взаимосвязано с понятием «сфера занято-

сти». По мнению Э. Р. Саруханова, занятость представляет собой общественные отношения между людьми по поводу включения работника в кооперацию труда на определенном рабочем месте. Ее нельзя смешивать с трудом: занятость показывает, как трудоспособные люди обеспечены работой, труд же представляет собой процесс производственного потребления рабочей силы [2].

Как показано на рисунке, структурными элементами рынка труда являются спрос и предложение рабочей силы.

Примечание: авторская разработка по материалам [3, 4].

Рис. Структура рынка труда

В процессе функционирования данного рынка формируется система взаимоотношений между его основными субъектами – работодателями и наемными работниками, промежуточными звеньями между которыми могут быть биржи труда, агентства по трудоустройству, профессиональные союзы и др., которые наряду с основными субъектами также являются элементами рынка труда.

Государство, без участия которого в Казахстане осуществляются только нелегальные трудовые отношения, также является элементом рынка труда.

Развитый рынок рабочей силы предполагает наличие разветвленной инфраструктуры, элементами которой являются: правовая система, система учета, система подготовки кадров, служба занятости и т. п.

Благодаря существованию рынка труда реализуются возможности:

- свободного выбора профессии и места работы;

- найма и увольнения работников при соблюдении норм законодательства о труде, предоставляющего гражданам гарантии занятости, условий и оплаты труда;

- независимой и в то же время регулируемой при помощи экономических рычагов миграции рабочей силы между регионами, отраслями и профессионально-квалификационными группами, которая обычно сопряжена с улучшением условий труда и качества жизни населения [5];

- свободного движения заработной платы при сохранении приоритета образования и квалификации, соблюдении установленного законом размера минимальной заработной платы.

Государственное регулирование рынка труда осуществляется на основе следующих принципов:

- своевременности (синхронизация конкурентоспособных трудовых ресурсов с существующей в настоящее время кадровой потребностью);

- системности (рассмотрение субъектов и объектов рынка труда как единого целого, в их взаимосвязи и взаимообусловленности);

- целеполагания (определение направлений, приоритетов и перспектив развития рынка);

- обратной связи и непрерывности (постоянный мониторинг рынка);

- эффективности (достижение целей и положительных сопутствующих результатов).

Различают следующие группы методов государственного регулирования рынка труда:

1. Экономические: бюджетная политика, льготное кредитование и налогообложение, стимулирующие предпринимателей к сохранению и созданию новых рабочих мест, осуществлению профессионального обучения и переподготовки кадров.

2. Организационные: функционирование службы занятости, информационной системы рынка труда, системы профессиональной ориентации и подготовки кадров.

3. Административные: регламентация порядка заключения трудовых договоров; регулирование продолжительности рабочего дня и сверхурочных работ; установление квот на трудоустройство, пенсионного возраста; определение минимального размера оплаты труда, размера и порядка выплаты пособий по безработице [6].

При формировании механизма функционирования и развития рынка труда необходимо использовать следующие виды государственного регулирования данного рынка [7]:

- защитное, предназначенное для уменьшения действия факторов, приводящих к социальной незащищенности граждан;

- поощрительное, направленное на создание условий для осуществления и развития определенных форм трудовой деятельности;

– ограничительное, осуществляемое для исключения действий отдельных граждан или групп населения, приводящих к получению ими преимущества перед другими;

– директивное, предусматривающее воздействие органов власти и управления на рынок труда;

– финансово-экономическое, способствующее росту предложения на рынке труда в результате использования налогов, субсидий и т.п.

Представленные в таблице 1 основные индикаторы рынка труда Восточного Казахстана свидетельствуют о снижении экономической активности населения региона.

В 2014 г. в области было зарегистрировано 740,9 тысяч экономически активных жителей, или 53,1 % от численности населения региона. При этом численность экономически активного населения сократилась по сравнению с 2010 г. на 28,9 тысяч человек, или на 4 %. За тот же период уровень экономической активности сократился на 0,3 п.п. и составил 67,2 %.

Необходимо отметить, что в 2010 г. удельный вес экономически активного населения в общей численности населения ВКО составлял 55,5 %. Следовательно, за рассматриваемый период произошло абсолютное и относительное уменьшение экономической активности населения области. За рассматриваемый период численность занятого населения уменьшилась на 20,6 тыс. чел., или 2,8 %, и составила 705,5 тыс. чел. При этом удельный вес занятого населения в общей численности населения ВКО уменьшился с 51,9 до 50,6 %, или на 1,3 п.п., а уровень занятости увеличился на 0,9 п.п. (с 94,3 до 95,2 %).

Рост уровня занятости коррелирует с уменьшением уровня безработицы. За рассматриваемый период количество безработных уменьшилось с 43,8 до 35,5 тыс. чел., или на 19 %, а уровень безработицы – с 5,7 до 4,8 % (0,9 п.п.). Незначительный рост эко-

номической активности и занятости населения по сравнению с предыдущим годом имел место лишь в 2010 г., рост численности наемных работников – в 2010, 2013 и 2014 гг. Таким образом, экономическая активность и занятость населения ВКО имеют тенденцию к снижению.

Динамика занятости населения в различных видах экономической деятельности значительно варьируется. В 2014 г. наибольшее количество занятого населения работало: в сельском хозяйстве – 150,8 тыс. чел., или 21,4 % от общего количества занятых; в промышленности – 113,8 тыс. чел., или 16,1 %; в оптовой и розничной торговле, в ремонте автомобилей и мотоциклов – 112,9 тыс. чел., или 16,0 %; в образовании – 66,6 тыс. чел., или 9,4 %; в государственном управлении – 59,8 тыс. чел., или 8,5 %.

Сокращение общей численности занятых по сравнению с уровнем 2010 года на 20,6 тыс. чел., или 2,8 %, в первую очередь обусловлено резким сокращением количества занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве – с 218,6 тыс. чел. до 150,8 тыс. чел., т.е. на 67,8 тыс., или на 31 %. При этом произошло уменьшение удельного веса работников данной сферы в общей численности занятых с 30,1 до 21,4 %. Кроме того, численность занятых сократилась в строительстве – на 3,2 тыс. чел., или 7,7 %, в сфере логистики – на 2,2 тыс. чел., или на 7,7 %.

За тот же период численность занятых в промышленности ВКО увеличилась на 12 тыс. чел., или 11,8 %, в оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и мотоциклов – на 13,1 тыс. чел., или 11,8 %, в сфере образования – на 2,8 тыс. чел., или 4,4 %, в государственном управлении, обороне и обязательном социальном обеспечении – на 20,6 тыс. чел., или 52,5 %, в здравоохранении – на 1,3 тыс. чел., или 3,7 %.

О нерациональности изменений в структуре занятости населения свидетельствуют данные, приведенные в таблице 2.

Динамика основных индикаторов рынка труда ВКО

Показатели	Годы					2014 г. в % к 2010 г.
	2010	2011	2012	2013	2014	
Экономически активное население, тыс. чел.	769,8	757,5	748,5	746,0	740,9	96,2
Уровень экономической активности, %	67,5	67,0	67,1	67,3	67,2	-0,3 п.п.
Занятое население, тыс. чел.	726,1	717,9	710,4	708,2	705,5	97,2
в том числе:						
мужчины	374,2	375,5	364,9	364,5	367,9	98,3
женщины	351,9	342,4	345,5	343,7	337,5	95,9
Уровень занятости, %	94,3	94,8	94,9	94,9	95,2	0,9 п.п.
Безработное население, тыс. чел.	43,8	39,6	38,1	37,7	35,5	81,0
Уровень безработицы, %	5,7	5,2	5,1	5,1	4,8	-0,9 п.п.
Удельный вес зарегистрированных безработных в численности экономически активного населения, %	0,7	0,6	0,5	0,4	0,4	-0,3 п.п.
Экономически неактивное население, тыс. чел.	371,0	373,7	367,4	363,1	362,0	97,6
Уровень экономической неактивности, %	32,5	33,0	32,9	32,7	32,8	0,3 п.п.

Примечание: авторская разработка по данным Департамента статистики ВКО.

К положительным структурным сдвигам можно отнести увеличение удельного веса занятых в:

- промышленности, являющейся основой индустриально-инновационного развития региона;

- сфере услуг по проживанию и питанию, поскольку последняя имеет непосредственное отношение к формирующемуся в ВКО туристическому кластеру;

- сфере информации и связи, входящей в инфраструктуру инновационного кластера;

- сфере образования и здравоохранения, которые формируют человеческий капитал.

К отрицательным структурным сдвигам следует отнести уменьшение удельного веса занятых в строительстве, логистике, профессиональной, научной и технической деятельности, которые являются драйверами экономического роста, а также в сфере искусств,

Структура занятого населения ВКО по видам экономической деятельности

Показатели	Годы				2014 г. в п.п. к 2010 г.
	2010		2014		
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
Занято в экономике – всего	726,1	100,0	705,5	100,0	-
в том числе:					
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	218,6	30,1	150,8	21,4	-8,7
Промышленность	101,8	14,0	113,8	16,1	+2,1
Строительство	41,5	5,7	38,3	5,4	-0,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	99,8	13,7	112,9	16,0	+2,3
Транспорт и складирование	46,3	6,4	44,1	6,2	-0,2
Услуги по проживанию и питанию	11,9	1,6	13,2	1,9	+0,3
Информация и связь	6,4	0,9	9,0	1,3	+0,4
Финансовая и страховая деятельность	5,9	0,8	11,8	1,7	+0,9
Операции с недвижимым имуществом	13,8	1,9	5,1	0,7	-1,2
Профессиональная, научная и техническая деятельность	10,7	1,5	8,9	1,3	-0,2
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	10,0	1,4	9,7	1,4	-
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	39,2	5,4	59,8	8,5	3,1
Образование	63,5	8,7	66,3	9,4	+0,7
Здравоохранение и социальные услуги	35,5	4,9	36,8	5,2	+0,3
Искусство, развлечения и отдых	5,8	0,8	4,5	0,6	-0,2
Предоставление прочих видов услуг	13,1	1,8	19,5	2,8	+1,0

Примечание: авторская разработка по данным Департамента статистики ВКО.

развлечений и отдыха, так как работники этих сфер экономической деятельности участвуют в формировании и развитии туристического кластера и человеческого капитала. Кроме

того, к отрицательным структурным сдвигам можно отнести увеличение удельного веса занятых в торговле, финансовой и страховой деятельности, а также государственном управлении, так как эти сферы экономической деятельности не способствуют выходу региона из экономического кризиса и не являются драйверами посткризисного развития.

Из таблицы 1 видно, что за пять лет количество безработных уменьшилось как в абсолютном, так и в относительном выражении: численность безработных сократилась на 4,2 тыс. чел., или на 19 %; уровень безработицы уменьшился на 0,9 п.п. (с 5,7 до 4,8 %); доля зарегистрированных безработных в численности экономически активного населения сократилась на 0,3 п.п. (с 0,7 до 0,4 %).

Удельный вес восточно-казахстанских безработных в общей численности безработных по Казахстану в 2014 г. уменьшился по сравнению с 2012 г. на 1,2 п.п. и составил 8 %. При этом уровень безработицы в ВКО в 2014 г. был на 0,2 п.п. ниже среднереспубликанского показателя.

В 2014 году 52,2 % занятых составляли мужчины, 47,8 % – женщины. При этом в 2014 г. наемные работники составляли 68,8 % от общей численности занятого населения, самозанятые – 31,2 %. По сравнению с 2010 г. произошло улучшение структуры занятости: удельный вес самозанятого населения сократился, а доля наемных работников увеличилась на 2,2 %.

Наибольший удельный вес самозанятого населения наблюдается в сельском хозяйстве (78,6 %), оптовой и розничной торговле и ремонте автомобилей и мотоциклов (46,3 %), логистике (41 %), предоставлении прочих видов услуг (46,2 %).

Из таблицы 3 видно, что 35,8 % безработных – это мужчины, 64,2 % – женщины. При этом высшее образование имеют 25,9 % от общего количества безработных, из них 25 %

составляют мужчины и 75 % – женщины. Доля безработных, имеющих среднее профессиональное образование, составляет 31,3 % от общего количества безработных, в том числе 39,6 % мужчин и 60,4 % женщин. Доля безработных, имеющих среднее общее и начальное профессиональное образование, составляет 40,8 %, в том числе 37,9 % мужчин и 62,1 % женщин.

Приведенные данные подтверждают закономерность, установленную специалистами в области человеческого капитала, о том, что чем выше уровень образования человека, тем выше уровень его социальной защищенности.

Численность граждан, обращающихся в органы труда и занятости по вопросу трудоустройства, имеет тенденцию к снижению. За пять лет она сократилась на 47,4 %. Доля зарегистрированных безработных в численности экономически активного населения уменьшилась по сравнению с 2010 г. на 0,3 п.п. и составила 0,4 %.

В 2014 г. было трудоустроено 71,1 % от общего количества обратившихся по вопросу трудоустройства. По состоянию на конец года было зарегистрировано в качестве безработных 3 тыс. чел., что на 43,4 % меньше, чем в 2010 г.

В таблице 4 приведены данные о среднемесячной номинальной заработной плате одного работника, из которых видно, что за 5 лет средняя заработная плата по всем видам экономической деятельности увеличилась на 16,8 % и в 2014 г. составила 99130 тенге*. Это на 22 % меньше среднереспубликанского показателя, составившего 121021 тенге и только в 4,6 раза превышает размер минимальной заработной платы (21364 тенге) и в 5,2 раза больше прожиточного минимума (19068 тенге).

За рассматриваемый период наиболее высокие темпы роста заработной платы

* 1 рубль равен 5,31 тенге.

Распределение безработного населения в ВКО по полу и образованию в 2014 году, тысяч человек / % к общей численности занятых

Показатели	Всего	мужчины		женщины	
		тыс. чел.	% к общей численности безработных	тыс. чел.	% к общей численности безработных
Безработные – всего	35,5	12,7	35,8	22,8	64,2
в том числе имеющие образование:					
высшее	9,2	2,3	25,0	6,9	75,0
незаконченное высшее	0,1	0,05	50,0	0,05	50,0
среднее профессиональное	11,1	4,4	39,6	6,7	60,4
начальное профессиональное	2,5	1,2	48,0	1,3	52,0
среднее общее	12,0	4,3	35,8	7,7	64,2
основное общее	0,4	0,3	75,5	0,1	25,0
начальное	0,1	0,05	50,0	0,05	50,0

Примечание: авторская разработка по данным Департамента статистики ВКО.

имели место в оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и мотоциклов, где она увеличилась по сравнению с уровнем 2010 г. на 39,2 %, водоснабжении, канализационной системе, контроле над сбором и распределением отходов (36 %), горнодобывающей промышленности (32,2%), в электроснабжении, подаче газа, пара и воздушном кондиционировании (31,6 %).

Наиболее низкими темпами заработная плата увеличивалась в сфере искусств, развлечений и отдыха (8,4 %), государственном управлении, обороне и обязательном социальном обеспечении (8,9 %), научной и технической деятельности (9,4 %), образовании (9,6 %), здравоохранении (10,4 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для сфер экономической деятельности, связанных с формированием и раз-

витием человеческого капитала, который является основой социально-экономической модернизации и формирования пятого и шестого технологических укладов, характерны низкий уровень оплаты труда и низкие темпы ее роста.

В Восточном Казахстане имеет место гендерное неравенство в уровне оплаты труда. В среднем по области заработная плата мужчин на 45,2 % превышает заработную плату женщин.

Наиболее высокий уровень различия в заработной плате между мужчинами и женщинами имеет место в горнодобывающей промышленности, где средняя заработная плата мужчин на 52,7 % превышает среднюю заработную плату женщин. Эти различия имеют объективный характер и связаны с тяжестью труда мужчин и женщин.

Динамика среднемесячной номинальной заработной платы по видам экономической деятельности в ВКО в 2012–2014 годах, тенге

Показатели	2012 год	2013 год	2014 год	2014 в % к 2012
Среднемесячная номинальная заработная плата по всем видам деятельности	84872	90263	99130	116,8
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	53002	60381	66667	125,8
Промышленность	104034	114592	130401	125,3
горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	120715	135622	159643	132,2
обрабатывающая промышленность	104452	113406	127659	122,2
электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	81147	93229	106817	131,6
водоснабжение; канализационная система; сбор и распределение отходов	51671	58688	70268	136,0
Строительство	82425	89459	102219	124,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	69014	78530	96057	139,2
Транспорт и складирование	101362	108105	118878	117,3
Услуги по проживанию и питанию	54383	58649	67682	124,4
Информация и связь	106001	114754	126578	119,4
Финансовая и страховая деятельность	109845	115217	129307	117,7
Операции с недвижимым имуществом	56214	62564	69639	123,9
Профессиональная, научная и техническая деятельность	124104	123985	135777	109,4
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	65225	67956	74566	114,3
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	85972	91936	93625	108,9
Образование	65802	67007	72124	109,6
Здравоохранение и социальные услуги	78030	80501	86182	110,4
Искусство, развлечения и отдых	48933	49322	53057	108,4
Предоставление прочих видов услуг	56496	60957	67781	120,0

Примечание: авторская разработка по данным Департамента статистики ВКО.

В торговле, ремонте автомобилей и мотоциклов средняя заработная плата мужчин на 37,9 % больше, чем у женщин, в обрабатывающей промышленности – на 30,7 %, в сфере логистики – на 28,8 %, научной и технической деятельности – на 26,5 %, в финансовой и страховой деятельности – на 23,7 %, в государственном управлении – на 23,1 %, в административном и вспомогательном обслуживании – на 20,6 %.

Уровень средней заработной платы женщин превышает аналогичный показатель у мужчин в сфере информации и связи на 5,4 %, в образовании (на 7,6 %), в операциях с недвижимым имуществом (на 5,4 %). Таким образом, превышение средней заработной платы женщин над средней заработной платой мужчин в ряде отраслей выражено гораздо меньше, чем в тех отраслях, где заработная плата мужчин превышает за-

работную плату женщин. Таким образом, эффективная занятость, отвечающая потребностям региональной экономики, должна обеспечиваться за счет повышения конкурентоспособности, профессиональной мобильности и эффективности использования рабочей силы. Необходимо сконцентрировать усилия на рационализации структуры занятости на основе приоритетного создания рабочих мест в высокотехнологичных импортозамещающих и экспортоориентированных производствах, повышения качества профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров с учетом перспективных потребностей экономики региона. Необходимо также создать действенные механизмы содействия самозанятости населения в целях уменьшения дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда.

1. Перова М. Б. Оценка и прогнозирование неформальной занятости населения на рынке труда России. Вологда : ВоГТУ, 2012. 167с.
2. Саруханов Э. Р. Рынок труда и рынок занятости: противоречия, определения и трактовки // Человек и труд. 2008. № 2. С. 47–51.
3. Кубаев Б. С. Экономические аспекты функционирования рынка труда. – Алматы, 2010. 285 с.
4. Курс экономики : учебник / под ред. Б. А. Райзберга. М. : ИНФРА-М, 1997. 720 с.
5. Еремин Б. А. Рынок труда и занятость в современной России: (критический анализ). СПб. : изд-во СПбУЭиФ, 1993. 96 с.
6. Орешин В. П. Государственное регулирование национальной экономики : учебное пособие. М. : Юристъ, 1999. 272 с.
7. Змияк С. С. Современные представления о рынке труда // Труд и социальные отношения. 2011. № 9. С. 24–32.

References

1. Perova M. B. Otsenka i prognozirovaniye neformal'noy zanyatosti naseleniya na rynke truda Rossii [Assessment and Forecasting of Informal Employment at the Russian Labour Market]. Vologda, VoGTU publ., 2012, 167 p.
2. Sarukhanov E. R. Rynok truda i rynek zanyatosti: protivorechiya, opredeleniya i traktovki [Labour Market and Employment Market: Contradictions of the Definition and Interpretation]. Chelovek i trud [Man and Labour]. 2008, no. 2, pp. 47–51.
3. Kubaev B. S. Ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya rynka truda [Economic Aspects of Labour Market Functioning]. Almaty, 2010, 285 p.
4. Kurs ekonomiki [Economics]. Ed. by B. A. Rayzberg. Moscow, INFRA-M publ., 1997, 720 p.
5. Eremin B. A. Rynok truda i zanyatost' v sovremennoy Rossii: (kriticheskiy analiz) [Labour Market and Employment in Russia (Critical Analysis)]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University of Economics, 1993, 96 p.
6. Oreshin V. P. Gosudarstvennoe regulirovaniye natsional'noy ekonomiki [State Regulation of National Economy]. Moscow, Yurist publ., 1999, 272 p.
7. Zmiyak S. S. Sovremennyye predstavleniya o rynke truda {Modern Views of Labour Market}. Trud i sotsial'nye otnosheniya (Labour and Social Relations). 2011, no. 9, pp. 24–32.

УДК 34:339.543

МОКРОВ Г. Г., заслуженный работник высшей школы
Республики Чехия, профессор кафедры
международного бизнеса и таможенного дела,
доктор экономических наук

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова

К ДИСКУССИИ О НАЛОГОВОЙ ПРИРОДЕ ТАМОЖЕННОЙ ПОШЛИНЫ

В статье доказывается налоговая природа таможенной пошлины. В частности, рассматриваются такие конституирующие признаки таможенной пошлины, как принудительность в отношении уплаты таможенной пошлины и безвозмездность уплаты таможенной пошлины, а также выясняется то общее и особенное, что присуще таможенной пошлине, с одной стороны, и акцизу, налогу на добавленную стоимость и таможенному сбору за таможенное оформление товара – с другой стороны. Тем самым, в статье содержатся необходимые и достаточные аргументы, позволяющие утверждать, что таможенная пошлина представляет собой форму налогового изъятия в доходную часть бюджета государств-членов Евразийского экономического союза при перемещении товаров и транспортных средств через единую таможенную границу региональной организации Евразийской экономической интеграции.

The article deals with the tax nature of a custom duty. In particular, such constituting signs of a custom duty as compulsoriness concerning payment of a custom duty and gratuitousness of payment of a custom duty are considered, and also that becomes clear the general and special that it is inherent in a custom duty, on the one hand, and to an excise, a value added tax and customs duty for customs registration of goods - on the other hand. Thereby, article contains the necessary and sufficient bases allowing to claim that the custom duty represents a form of tax withdrawal in revenues of the budget of state members of the Eurasian Economic Union when moving goods and vehicles through uniform customs border of the regional organization of the Euroasian economic integration.

□ **Ключевые слова:** акциз, налог на добавленную стоимость, таможенные платежи, таможенная пошлина, таможенный сбор

□ **Keywords:** excise, value added tax, customs payments, custom duty, custom fees

Изучение литературы по таможенной проблематике показывает, что экономическая природа таможенной пошлины пока остается до конца не выясненной и является предметом продолжительной острой дискуссии, в ходе которой четко обозначились два диаметрально противоположных подхода:

– первый подход: таможенная пошлина имеет налоговую природу;

– второй подход: таможенная пошлина имеет неналоговую природу.

Сторонники первого подхода полагают, что таможенная пошлина является налоговым инструментом, регулирующим перемещение товаров и транспортных средств через единую таможенную границу Евразийского экономического союза. Например, В. В. Покровская пишет: «Таможенные по-

шлины по своей сущности являются рыночным инструментом, оказывающим воздействие на стоимость импорта и экспорта товаров и изменение уровня их конкурентоспособности. Как один из видов косвенных налогов таможенная пошлина представляет собой стоимостной размер платы, взимаемой государством с товаров при ввозе их на таможенную территорию или вывозе» [6, с. 508].

Сторонники второго подхода, напротив, считают, что таможенная пошлина является неналоговым инструментом регулирования экспортно-импортных операций, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через единую таможенную границу государств-членов Евразийского экономического союза. В частности, В. Г. Пансков и В. В. Федоткин пишут: «Таможенная пошлина – обязательный взнос (плата), взимаемая таможенными органами при ввозе товаров на таможенную территорию Российской Федерации или вывозе товаров с этой территории» [7, с. 204].

В бюджетном законодательстве государств, вошедших в состав Евразийского экономического союза, статус таможенной пошлины уже много раз изменялся и уточнялся в диапазоне от одного до другого диаметрально противоположных мнений: «таможенная пошлина – налоговый доход» – «таможенная пошлина – неналоговый доход».

Не проясняет экономическую природу таможенной пошлины и таможенное законодательство Евразийского экономического союза. Так, в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза сказано: «Таможенная пошлина – обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу» [8, с. 21].

На наш взгляд, любой платеж, взимаемый таможенными органами в доходную часть бюджета государства (союза государств),

следует рассматривать через призму по меньшей мере двух налоговых признаков, а именно: признака принудительности и признака безвозмездности.

Первый налоговый признак – принудительность в отношении уплаты таможенной пошлины – означает юридическую обязательность осуществления платежа уполномоченному органу Евразийского экономического союза участником внешнеэкономической деятельности. Обязанность плательщика таможенной пошлины устанавливается в одностороннем порядке и без заключения какого-либо договора, а в случае уклонения от уплаты таможенной пошлины соответствующий налоговый платеж (налоговое изъятие) взыскивается в принудительном порядке (ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей»).

Именно принудительное изъятие и обязательный характер уплаты таможенной пошлины в доходную часть бюджета государств, вошедших в состав Евразийского экономического союза, и составляет один из важнейших конституирующих признаков данного вида таможенных платежей в качестве налогового платежа. И именно внеэкономическое принуждение позволяет таможенным органам осуществлять крупномасштабную мобилизацию финансовых ресурсов посредством уплаты таможенной пошлины уполномоченному органу Евразийского экономического союза.

Признак принудительности уплаты таможенной пошлины обуславливает обязательное законодательное оформление такого налогового изъятия, что ставит данный вид таможенных платежей в менее выигрышное положение по сравнению с другими инструментами механизма перераспределения валового внутреннего продукта, которым таможенная пошлина значительно уступает в процедурной мобильности.

Таможенная пошлина имеет ряд общих черт с другими формами принудительного

изъятия имущества, например, с такими таможенными процедурами, как обращение товаров в собственность государства, отказ от товара в пользу государства, а также конфискация или денежные штрафы, связанные с такими преступлениями в сфере таможенного дела, как контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, незаконные валютные операции и иные деяния с валютными ценностями. Различия между ними выражаются прежде всего в масштабах или периодичности таких финансовых изъятий, а именно: уплата таможенной пошлины всегда связана с перемещением товаров и транспортных средств через Евразийскую единую таможенную границу (т. е. носит систематический характер), тогда как товары, транспортные средства и иные предметы, конфискованные, в том числе по делам о контрабанде и иных преступлениях в сфере таможенного дела, носят эпизодический, несистемный характер и имеют не только административные, но и уголовные последствия (ст. 193 УК РФ). Принципиальное различие составляет и цель изъятия имущества и денежных средств. Для таможенной пошлины такой вид налогового изъятия означает всего лишь факт перераспределения валового внутреннего продукта, в то время как для неналоговых принудительных изъятий отчуждение носит, как правило, чрезвычайный, нередко криминальный характер. В частности, таможенная процедура отказа в пользу государства предполагает безвозмездную передачу иностранных товаров в собственность государств-членов Евразийского экономического союза (товары, помещенные под таможенную процедуру отказа в пользу государства, приобретают статус товаров Евразийского экономического союза) без уплаты таможенной пошлины. Расходы же по транспортировке, хранению и реализации «отказных» товаров возмещаются за счет денежных сумм, полученных от их реализации по свободным (рыночным) це-

нам, а в случае их недостаточности взыскиваются с декларанта или иного лица, ответственного за уплату таможенной пошлины.

Указание на законодательное оформление налогового изъятия в форме таможенной пошлины означает, что установление и уплата данного вида таможенных платежей относится к компетенции органов законодательной, исполнительной и судебной власти, что обусловлено целевым назначением таможенной пошлины, а именно обслуживанием потребностей государств – членов Евразийского экономического союза. Для установления таможенной пошлины в качестве налогового изъятия необходимо изъявление воли электората, что обеспечивается его представительством в органах законодательной, исполнительной и судебной власти.

Второй налоговый признак – безвозмездность уплаты таможенной пошлины – означает отсутствие встречного удовлетворения, т. е. сам по себе факт платежа таможенной пошлины в качестве налогового изъятия не означает возникновения у соответствующих представителей государственной власти (например, налоговых или таможенных органов) встречных обязательств по возмещению понесенных плательщиком (декларантом или самим участником внешнеторговой деятельности) затрат в полном или частичном объеме. Именно налоговый признак безвозмездности позволяет отличить таможенную пошлину как форму налогового изъятия от того или иного взноса (или сбора) как формы неналогового изъятия, обычно представляющего собой плату, взимаемую органами государственной власти за право участия, пользования чем-либо или осуществления той или иной экономической деятельности. Например, таможенные сборы являются обязательными платежами, взимаемыми таможенными органами за совершение ими действий, связанных с выпуском това-

ров на Евразийскую единую таможенную территорию или с таможенным сопровождением товаров по Единой таможенной территории государств-членов Евразийского экономического союза. Но таможенные сборы (хотя они и входят в систему таможенных платежей) не считаются налоговым изъятием, так как они не обладают признаком безвозмездности: размер таможенных сборов соотнесен с объемом получаемых участниками внешнеэкономической деятельности государственных услуг со стороны таможенных органов и не может превышать примерной стоимости затрат таможенных органов на совершение действий, в связи с которыми и установлен размер того или иного таможенного сбора за таможенное оформление или таможенное сопровождение товара. Далее, авансовые платежи, внесенные в счет предстоящих таможенных платежей, также не являются налоговыми изъятиями, так как они считаются имуществом участника внешнеторговой деятельности до тех пор, пока плательщик авансовых платежей не сделает соответствующее распоряжение таможенным органам считать перечисленные денежные средства (деньги) таможенной пошлиной, акцизом или налогом на добавленную стоимость. Наконец, при таможенной процедуре отказа в пользу государства иностранные товары безвозмездно передаются в собственность государств-членов Евразийского экономического союза, получая статус конфискованных товаров. За участие предпринимателей в аукционе по выкупу таможенного конфиската (конфискованного таможенными органами имущества) уплачивается денежный платеж (гарантийный взнос), который также не является налоговым изъятием, так как размер такого гарантированного взноса равен сумме денежных средств, в которую обычно обходятся услуги организации, проводящей торги конфискованными товарами и иными предметами,

обращенными в собственность государств-членов Евразийского экономического союза.

Налоговый признак принудительности и налоговый признак безвозмездности дают необходимые и достаточные основания, чтобы неоспоримо констатировать очевидный факт: таможенная пошлина является особым пограничным видом налогового изъятия, поскольку принудительно и безвозмездно взимается таможенными органами в бюджет государств-членов Евразийского экономического союза при перемещении товаров и транспортных средств через единую таможенную границу региональной организации Евразийской экономической интеграции.

Во внешнеторговом обороте предприятий государств-членов Евразийского экономического союза с компаниями третьих государств (или союза государств) таможенная пошлина наравне с акцизом и налогом на добавленную стоимость образуют налоговую группу таможенных платежей. Причем между отдельными видами таможенных платежей (таможенной пошлиной, акцизом и налогом на добавленную стоимость) есть не только много общего (налоговый признак принудительности и налоговый признак безвозмездности), но и имеются, естественно, определенные различия. Например, таможенную пошлину, акциз и налог на добавленную стоимость объединяет общая налоговая база – таможенная стоимость товара, а различает их, в частности, тип регулирования внешнеторговой деятельности: таможенная пошлина как форма налогового изъятия является тарифной мерой регулирования экспортно-импортных потоков, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза, а акциз и налог на добавленную стоимость как формы налогового изъятия относятся к нетарифным мерам регулирования, применяемым при ввозе товаров и транспортных средств на Евразийскую единую таможенную территорию.

В целом таможенная пошлина представляет собой форму налогового изъятия в доходную часть бюджета государств-членов Евразийского экономического союза при пе-

ремещении товаров и транспортных средств через единую таможенную границу региональной организации Евразийской экономической интеграции.

Библиографический список

1. Дронов, Р. И. Оценка экономической эффективности объектов таможенной инфраструктуры: многокритериальный подход / Р. И. Дронов. – М. : РИО РТА, 1999.
2. Дронов, Р. И. Международная торговля, экономическая безопасность и таможенные преступления : учеб.-практ. пособие / Р. И. Дронов, Г. Г. Мокров ; отв. ред. Г. Г. Мокров. – М. : Юркнига, 2004. – 256 с.
3. Исследование проблем таможенного дела : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей РТА. – Вып. 1. – М. : РИО РТА, 1998.
4. Мокров, Г. Г. Евразийский экономический союз. Общий рынок: формирование, регулирование, защита. – М. : Проспект, 2017.
5. Mokrov G. G. Anti-dumping investigation: Calculation of the Dumping Margin/Indian Journal of Science and Technology, November 2016.
6. Покровская, В. В. Таможенное дело / В. В. Покровская. – М. : Юрайт, 2011. – 508 с.
7. Пансков, В. Г., Федоткин В. В. Таможенное регулирование внешнеторговой деятельности в России / В. Г. Пансков, В. В. Федоткин. – М. : Финансы и статистика, 2008. – 204 с.
8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. М.: Проспект, 2017. – С. 21.
9. Экономический потенциал таможенной территории Российской Федерации. – М. : РТА, 2001.

References

1. Dronov R. I. Otcenka ekonomicheskoy effektivnosti ob"ektov tamozhennoy infrastruktury: mnogokriterial'nyy podhod [Assessment of Economic Efficiency of the Objects of Customs Infrastructure: Multicriteria Approach], Moscow, RCA, 1999.
2. Dronov R. I. Mezhdunarodnaya trgovlya, ekonomicheskaya bezopasnost' i tamozhennyye prestupleniya [International Trade, Economic Security and Customs Crimes]. Moscow, Yurkniga publ., 2004.
3. Issledovanie problem tamozhennogo dela: sbornik nauch. trudov [Research of the Problems of Customs Affairs : Proc. of the Russian Customs Academy]. Moscow, RCA, 1998.
4. Mokrov G. G. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz. Obshchiy rynek: formirovanie, regulirovanie, zashchita [Eurasian Economic Union. Common Market: Formation, Regulation, Protection]. Moscow, Prospect, 2017.
5. Mokrov G. G. Anti-Dumping Investigation: Calculation of the Dumping Margin. Indian Journal of Science and Technology, November 2016.
6. Pokrovskaya V. V. Tamozhennoe delo [Customs Affairs]. Moscow, URAIT publ., 2011. 508 p.
7. Panskov V. G., Fedotkin V. V. Tamozhennoe regulirovanie vneshnetorgovoy deyatel'nosti v Rossii [Customs Regulation of Foreign Trade Activities in Russia]. Moscow, 2008. 204 p.
8. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Customs Code of the Eurasian Economic Union]. Moscow, Prospect, 2017, p. 21.
9. Ekonomicheskiy potentsial tamozhennoy territorii Rossiyskoy Federatsii [Economic Potential of Custom Territory of the Russian Federation]. Moscow, RCA, 2001.

УДК 37.035.6+39:379

ЧУРАКОВА О. В.,
кандидат исторических наук, доцент
Институт управления
САМОДУРОВА С. А.,
старший преподаватель
Институт управления

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЯН (ИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ)

В статье анализируется потенциал культурно-познавательного туризма (этнографического, паломнического и иных направлений) для формирования патриотизма у россиян.

The article examines the potential of cultural and cognitive tourism (ethnographic, pilgrimage and other kinds) for strengthening patriotism among the Russian people.

- Ключевые слова:** туризм в России, патриотическое воспитание, культурно-познавательный туризм
- Keywords:** tourism in Russia, patriotic upbringing, cultural and cognitive tourism

Современное состояние туризма в России, например, его переориентация с выездного на внутренний, ставит перед преподавателями вузов, задействованных в разработке программ для будущих менеджеров по туризму, новые задачи, в частности, усиление составляющих патриотического воспитания. Содержание программ должно быть направлено на формирование чувства патриотизма у граждан страны: и создателей, и потребителей туристического продукта.

Россия обладает неисчерпаемыми ресурсами для развития туризма всех видов: спортивно-оздоровительного, культурного,

рекреационного (развлекательного) и др. Однако климатические условия и отсутствие широкой зоны берегов теплых морей не создают возможностей для функционирования наиболее прибыльной отрасли туристического бизнеса – так называемого пляжного туризма. Между тем, наличие множества объектов культуры в центральной части страны, особенно памятников старины (крепостей, православных храмов, монастырских комплексов и пр.), относительно низкая стоимость туристических программ, достаточно хорошо сформированная инфраструктура отрасли создают потенциал для развития различных форм

внутреннего туризма культурной или познавательной направленности.

Культурный туризм несколько десятилетий назад определялся как «культурно-познавательный» или «познавательный» туризм. Сегодня не произошло зарождения принципиально нового вида туризма, так как не изменилась его основная исходная цель – знакомство с историей и культурой страны во всех ее проявлениях (архитектурой, живописью, музыкой, театром, фольклором, традициями, обычаями, образом и стилем жизни людей страны посещения). То, что произошло в действительности, – это изменение отношения к феномену данного вида туризма, его гуманитарной функции и глобальной миссии, что является следствием действия ряда факторов, таких как:

- появление на мировом книжном рынке, а также в интернет-ресурсах большого количества зарубежных публикаций, главным образом на английском языке, откуда перекочевало в русский язык в буквальном переводе понятие «культурный туризм в новой интерпретации»;

- дань моде на использование клишированных иностранных терминов, в том числе и в профессиональной туристической деятельности (например, «дестинации» и даже «дестинации приема» вместо «турцентры», «аттракции» вместо «достопримечательности», «аттрактивность» вместо «привлекательность», «резервации» вместо «заповедные территории»). Это может рассматриваться как проявление глобализации на уровне языка, а отчасти – как стремление придать большую научность исследованиям феномена культурного (культурно-познавательного) туризма в силу некоторой новизны восприятия термина. Однако, в свете формирования патриотизма, следует рекомендовать преподавателям, составляющим программы для будущих работников в области туризма, прибегать к использованию иностранных терминов лишь в случае крайней необходи-

мости, когда перевод понятия ведет к искажению его смысла.

Культурный туризм можно классифицировать по видовым признакам, однако для формирования чувства патриотизма – любви к Отечеству (это и гордость за страну, и соотнесение себя с определенным этносом, и желание продемонстрировать лучшие достижения своего народа и пр.) наиболее эффективной может быть организация туров следующих направлений: этнографических, культурно-познавательных (в ознакомительной или креативной форме) и паломнических (религиозных).

Культурно-познавательный туризм является прекрасной формой наглядного представления о мире, о культуре, о природе того или иного региона мира или своей страны. Основными объектами туров в познавательном туризме являются исторические, этнографические, архитектурные, научные туристские ресурсы.

Основу познавательных туров составляют экскурсионные программы, например осмотр городских достопримечательностей, архитектурных ансамблей, храмов и культовых объектов, музеев, а также уникальных природных объектов и явлений [1, с. 166]. Наиболее популярны в нашей стране традиционные экскурсии, особенно те, где туристов знакомят с достопримечательностями культовых мест в России.

Основные туристические кластеры, которые посещают иностранные граждане, – Москва, Санкт-Петербург и города Золотого кольца (70–75 % въездного туризма) [2, с. 136]. В этих местах сосредоточены известные объекты показа и существует отвечающая высоким требованиям инфраструктура, что позволяет сформировать конкурентоспособный туристический продукт.

Традиционно данные туры носят ознакомительный характер, однако все чаще туристические проекты включают в себя организацию креативных мероприятий: участие в

праздничных или обрядовых церемониях, мастер-классы по изготовлению сувенирной продукции. Можно также рекомендовать пленэры для художников, встречи и общение с местными жителями.

Исследователи психологии и социологии туризма отмечают, что «место становится привлекательным для туриста, если оно даёт возможность осуществить разрыв с повседневностью и почувствовать «аутентичность» той среды, в которую он погружен и где может испытать «особый опыт» [3]. Под данным опытом теоретики туризма понимают «не просто взгляд или впечатление, но набор взаимосвязанных значений, которые возникают во внутреннем духовном мире человека и встроены в общую структуру значений, которыми он оперирует в своей жизни и которые составляют его собственный мир» [3]. Для объяснения использования термина «опыт» в подобном контексте следует обратиться к феноменологии, в частности к трудам В. Дильтея и Э. Гуссерля. Ученые обозначают данный вид опыта как «переживание» (Erlebnis) в противоположность внешнему опыту (Erfahrung), который определяется «исключительно как эмпирические данные, полученные через органы чувств» [4, с.106]. Возможность увидеть мир своими глазами, услышать, ощутить себя «туземцем» или погрузиться в атмосферу жизни иной местности, примерить на себя иной социальный культурный опыт — важные части восстановительной функции туризма, они несут в себе большой гуманитарный потенциал.

Особенно важна для процесса «вживания» в атмосферу страны креативная составляющая туров: в провинциальных городах и селах туристы могут научиться печь хлеб в русской печи, готовить традиционную еду или обрядовое печенье (например, козули, жаворонки), под руководством мастеров изготовить предмет быта, оберег или сувенир в технике народного промысла. Не случайно в

современном мире растет интерес к традиционным формам культуры – художественным народным промыслам, фольклору, самодельному творчеству. Народные промыслы занимают особое место в культурном потенциале внутреннего туризма, особенно в тех местностях, которые потеряли экономический потенциал и превращаются в туристические заповедники. Например, в городе Мышкин в музее «Русские валенки» туристам предлагается поучаствовать в изготовлении сувенира, освоив технику валяния. Эта форма творчества вызывает большой интерес, особенно у детей и людей, связанных со сферами искусства, так как позволяет проявить творческий потенциал, фантазию, освоить новые грани мастерства.

Данные виды культурной программы могут быть рекомендованы и при организации этнографических туров – одного из направлений культурно-познавательного туризма, являющегося в настоящее время заманчивым для многих стран, в том числе и для России с ее этноконфессиональным многообразием.

Этнографический туризм – это вид познавательного туризма, целью которого является посещение этнографического объекта для познания культуры, архитектуры, языка, быта и традиций народа, этноса, проживающего сейчас и проживавшего когда-либо на данной территории. Как и для любого другого вида туризма, для этнографического характерны свои специфические объекты показа, или этнографические объекты.

Этнографический объект – это культурно-исторический объект (явление), содержащий информацию об этнических проявлениях в традиционно-бытовой культуре. Наиболее важным в организации этнического туризма является ознакомление участников с традициями и культурой различных этносов.

Традиции – это система позиций, ценностей, норм поведения и принципы отноше-

ний между людьми в стране, ритм и пульс ее жизни. Национальные традиции – это система национальных стандартов, закрепляющих в сознании человека идеи достоинства, величия его нации, героической и славной национальной истории, благородства его народа в прошлом и настоящем. Традиции – это опыт, который накапливается в виде системы стереотипов и проявляется, реализуется в следующих формах: обычаи, обряды, ритуалы, церемонии, представления и праздники. Но самой яркой, сложной и характерной формой традиции является массовый праздник – это ритм жизни, его смысл – не в развлекательности и отдыхе, а в удовлетворении потребности людей в реализации коллективной памяти, в участии в сотворчестве-диалоге между прошлым и будущим, в возможности осознать национальную и этническую идентичность. Таким образом, популяризация и развитие этнографического туризма способствует и воспитанию патриотизма.

Еще одно веяние конца прошлого и начала нынешнего столетия в путешествиях – стремительное развитие паломнического туризма в нашей стране. На современном этапе развития отечественного туризма в исторических центрах, где в культурном ландшафте преобладают памятники средневековой культуры (монастыри, храмы, часовни), происходит постепенная переориентация с познавательного и развлекательного видов туризма на религиозный или синтезированный (где есть элементы познавательного и паломнического туризма).

Паломничество – это посещение религиозных святынь с целью молитвенного общения [1, с. 6–7]. Паломничество (прежде всего странничество или путешествие, имеющее духовные цели) – один из самых древних видов путешествий, бытующий почти во всех культурах мира. Однако паломническая поездка – это не только путешествие с ре-

лигиозными целями: она также дает возможность познакомиться с архитектурой, иконописью, историей и ремесленными традициями России. Особое значение для формирования патриотизма имеет посещение туристами-паломниками национальных святынь: церковей и обителей. Монастыри и храмы являются главными памятниками своей эпохи, но большинство монастырей, несмотря на утрату основных функций в советский период, сохраняли роль культурных центров и музеев, то есть оставались хранителями народной памяти. Память – основной инструмент для формирования чувства патриотизма.

Однако, если в центральной части Российской Федерации уже сложился достаточно перспективный и конкурентоспособный туристический кластер, использующий, например, потенциал городов Золотого кольца России для развития паломнического туризма, то сегодня перед туристическими фирмами стоит задача «затянуть» туриста в глубинку. Во многих регионах России есть возможность показать туристу истинную «Русь-матушку», это способствовало бы деятельному проявлению патриотизма, т. к. самый важный результат такой работы – привлечение внимания широкой общественности к проблемам сохранения культурного наследия, национальных этнокультур, культурной самобытности, культурного разнообразия, а также к проблемам взаимодействия туризма и культуры, туризма и культурного разнообразия, туризма и межкультурного диалога [3, 4, 5, 7, 9].

Вне сомнения, патриотизм существует в бинарной связи (симфонии или оппозиции) с дефинициями интернационализма. Следовательно, стоит обратить внимание на придание культурному (культурно-познавательному) туризму как инструменту мира, развития, сближения народов, миссии воспитания уважения, терпимости, взаимопонимания на

основе гуманитарных ценностей туризма; в частности, эта миссия отражается в создании различных туристских университетов и школ. Еще одно назначение туризма, его гуманитарная составляющая заключается в использовании его возможностей для развития личности, ее творческого потенциала, расширения горизонта знаний. Знакомство с культурой и обычаями другой страны обогащает духовный мир человека. Культура является фундаментальной основой процесса развития, сохранения, укрепления независимости, суверенитета и самобытности народа.

Успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам и требованиям, но и от уникальности национального культурного наследия. Туризм в разной степени оказывает влияние на жизнь местного населения, его материальную и духовную деятельность, систему ценностей, общественное поведение, интересы. В регионе, где наблюдается социально-культурная активность, где туризм носит традиционный характер и количество туристов уступает численности местного населения, массовый туризм можно назвать явлением, характерным для второй половины XX–начала XXI вв. Развитие культурного (познавательного, этнографического, паломнического и

иных направлений) туризма в России позволит решить ряд задач, связанных с духовным возрождением страны и увеличением экономического потенциала туристической индустрии: поддерживать в надлежащем состоянии памятники истории и культуры, приумножать духовно-культурный потенциал страны, повышая тем самым международный статус России, способствовать увеличению потока иностранных граждан в города России. Показатели высокого уровня культурного развития страны могут быть использованы также для создания благоприятного имиджа России на мировом туристском рынке.

Таким образом, для формирования чувства патриотизма индустрия гостеприимства в Российской Федерации имеет огромный потенциал: она позволяет показать нашу Родину с лучшей стороны и иностранцам, и отечественным путешественникам. А понимание и использование туристских мотивов, знание различных моделей путешествия, влияющих на выбор конкретного туристского продукта, могут стать залогом успешного процесса формирования патриотических традиций. Кроме того, развитие внутреннего туризма должно привести к повышению его конкурентноспособности на мировом рынке, что усилило бы туристские потоки в нашу страну.

1. Биржаков М. Б. Правовые основы и методы регулирования паломнического туризма // Туристские фирмы : справочник. СПб. : ОЛБИС, 2003.
2. Сенин В. С. Организация международного туризма. М. : Финансы и статистика, 2012. 236 с.
3. Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–12.
6. Седова Н. А. Культурно-просветительный туризм : учеб. пособ. – М.: Советский спорт, 2003. 96 с.
7. Чудновский А. Д. Социально-экономическое развитие регионов России как фактор формирования спроса на туристские услуги. М.: КНОРУС, 2003. 432 с.
8. Ягодынская Н. В. Культурно-исторические центры России: учеб. пособ. М. : Академия, 2005. 160 с.

References

1. Birzhakov M. B. Pravovye osnovy i metody regulirovaniya palomnicheskogo turizma [Legal Grounds and Methods of Regulating Pilgrimage Tourism] Turistskie firmy : spravochnik [Tourist Agencies: Handbook]. Saint-Petersburg, OLBIS publ., 2003.
2. Senin V. S. Organizatsiya mezhdunarodnogo turizma [Organization of International Tourism]. Moscow, Finansy i statistika publ., 2012. 236 p.
3. Yudin G. B., Koloshenko Yu. A. Strategii proizvodstva turisticheskogo opyta v malom gorode: lokal'noe soobshchestvo i simbolicheskoe konstruirovaniye v gorode Myshkin [Production Strategies of Travel Experience in a Small Town: Local Community and Symbolic Construction in Myshkin]. Labirint Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy [Labyrinth Journal of Socio-Humanitarian Research]. 2014, no. 5.
4. Gusserl' E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu [Ideas to Clear Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book 1. General Introduction to Clear Phenomenology]. Moscow, Akademicheskii Proekt publ., 2009, 489 p.
5. Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life] Logos {Logos}. 2002, no. 3 (34), pp. 1?12.
6. Sedova N. A. Kul'turno-prosvetitel'nyy turizm [Cultural and Cognitive Tourism]. Moscow, Sovetskiy sport publ., 2003. 96 p.
7. Chudnovskiy A. D. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii kak faktor formirovaniya sprosa na turistskie uslugi [Socio-Economic Development of the Russian Regions as a Factor for Forming the Demand of Travel Services]. Moscow, KNORUS publ., 2003. 432 p.
8. Yagodynskaya N. V. Kul'turno-istoricheskie tsentry Rossii [Cultural Historical Centres of Russia]. Moscow, Akademiya publ., 2005. 160 p.